

Поэт поколений: МАНДЕЛЬШТАМ

ПРЕЗИДЕНТСКИЙ
ФОНД КУЛЬТУРНЫХ
ИНИЦИАТИВ

ИФЖИМКК

ОНО

ЦЕНТР
РАЗВИТИЯ
СМИ

Осип Мандельштам Поэт поколения

Когда мы говорим «поэт поколения», мы обычно имеем в виду автора, чей голос стал узнаваемым знаком эпохи, чьи стихи читали при жизни, кого цитировали, кому подражали. По этой логике, Мандельштам был кем угодно, только не поэтом поколения. При жизни его книги выходили крошечными тиражами. На рубеже 1930-х его перестали печатать вовсе. Тот, кого мы сегодня называем одним из величайших русских поэтов XX века, был фигурой маргинальной, почти изгоем. Он умер в лагере, всеми забытый, и лишь два десятилетия спустя его имя начало возвращаться.

В чём же тогда смысл этого определения?

Мандельштам стал «поэтом поколения» не потому, что его слушали при жизни. Он стал им потому, что его судьба оказалась точной проекцией судьбы всего поколения, которое прошло от Серебряного века через революцию, гражданскую войну, голод, террор к лагерю и смерти. Это не метафора. Это хронология его жизни, его современников

В романе представлены три современника-зеркала.

Блок. Он был для Мандельштама фигурой, которую нужно было преодолеть, чтобы найти собственный голос. Акмеизм рождался из отрицания символизма. Но к моменту смерти Блока Мандельштам осознал: тот был прав в своём трагическом предчувствии.

Маяковский. Самый острый конфликт. Маяковский как голос площади, толпы, будущего. Мандельштам как голос комнаты, культуры, прошлого. Их противостояние – это своеобразный спор о том, что такое поэзия: «служение эпохе» или «служение слову».

Ахматова. Ахматова стала его двойником. В отличие от Блока и Маяковского, она пережила Мандельштама и стала его «воскресителем».

Он умер 27 декабря 1938 года, за три недели до своего 48-летия. От тифа. В пересыльном лагере Вторая Речка под Владивостоком. Тело оставалось непогребённым до весны. Местонахождение могилы неизвестно.

Он сам предсказал и это:

Я рожден в ночь с второго на третье
Января в девяносто одном
Ненадежном году, и столетья
Окружают меня огнем.

Почему комикс?

Есть в судьбе Мандельштама что-то кинематографическое. Резкие смены декораций: Петербург, Париж, Гейдельберг, Крым, Грузия, Москва, Воронеж, Владивосток. Герои, которые входят и выходят из кадра: Блок, Ахматова, Маяковский, Гумилёв, Цветаева, Пастернак, Сталин. Диалоги, которые звучат как стихи, потому что это и есть стихи.

Но есть и другое. Мандельштам мыслил образами. Он видел мир как архитектуру, как камень, как воду, как огонь, как воздух. Его стихи как пространство, которое можно и нужно видеть.

В этой книге символически представлены четыре стихии. «Камень» — первая книга, твёрдость, сопротивление. «Tristia» — вода, скорбь, текучесть, разлука с домом. Огонь - Москва 1930-х, Сталин, самоубийство Маяковского, арест. Воздух — последняя свобода, смерть, голос, который уходит сквозь колючую проволоку в небо.

Это не документальное исследование. Это попытка увидеть поэзию как жизнь.

Графическая модуляция.

Рисунок в этой книге меняется вместе с судьбой героя.

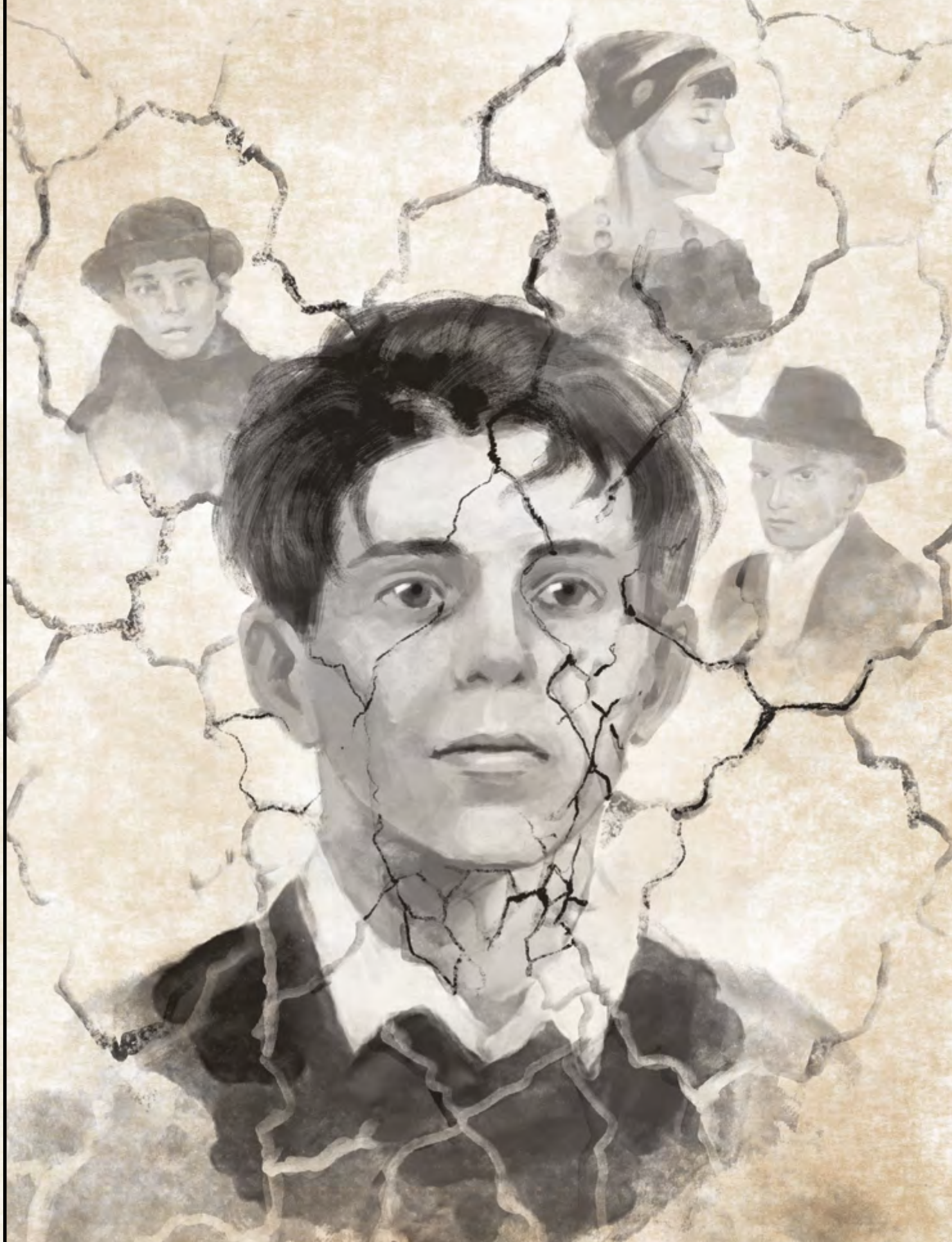
Ранние страницы — много белого пространства. Влияние «Мира искусства», акмеистическая ясность.

Средние страницы — экспрессионизм, искажённые перспективы, сгущение красок, схематичность, почти абстракция. Текст начинает доминировать над изображением. Буквы «рассыпаются» по странице, имитируя последнее дыхание.

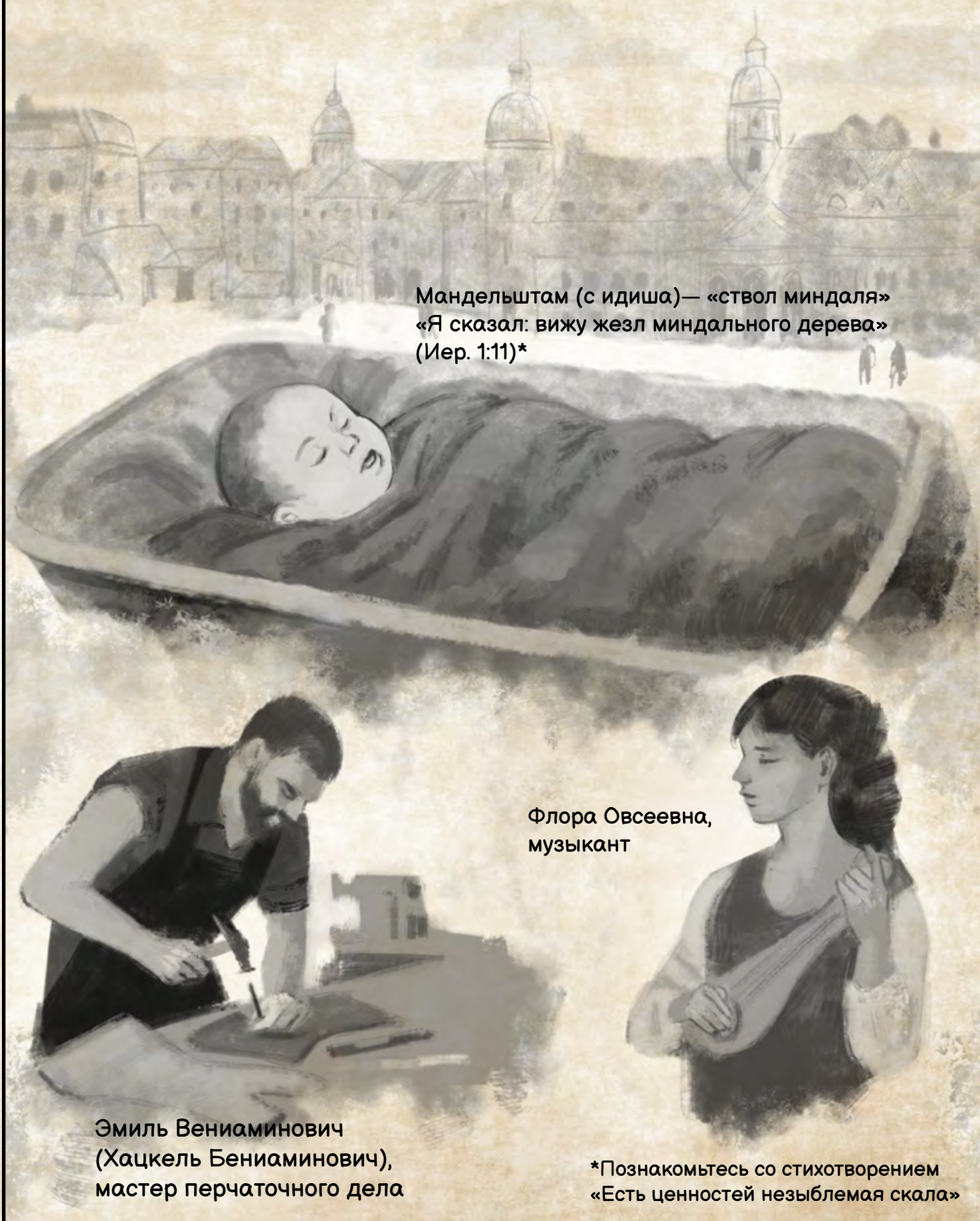
Это не просто стилистическое разнообразие. Это способ рассказать о том, как мир героя менялся.

ОСИП ЭМИЛЬЕВИЧ МАНДЕЛЬШТАМ
(1891–1938)

Осип Мандельштам родился 3 (15) января 1891 года в Варшаве. Отец, Эмиль Вениаминович, был потомком испанских евреев, мастером перчаточного дела; он стал купцом первой гильдии – это дало семье право жить вне черты оседлости. В 1897 году Мандельштамы переехали в Петербург. Мать, Флора Осиповна Вербловская, происходила из интеллигентной виленской семьи и привила сыну любовь к русской литературе.

Мандельштам (с идиша)— «ствол миндаля»
«Я сказал: вижу жезл миндального дерева»
(Иер. 1:11)*

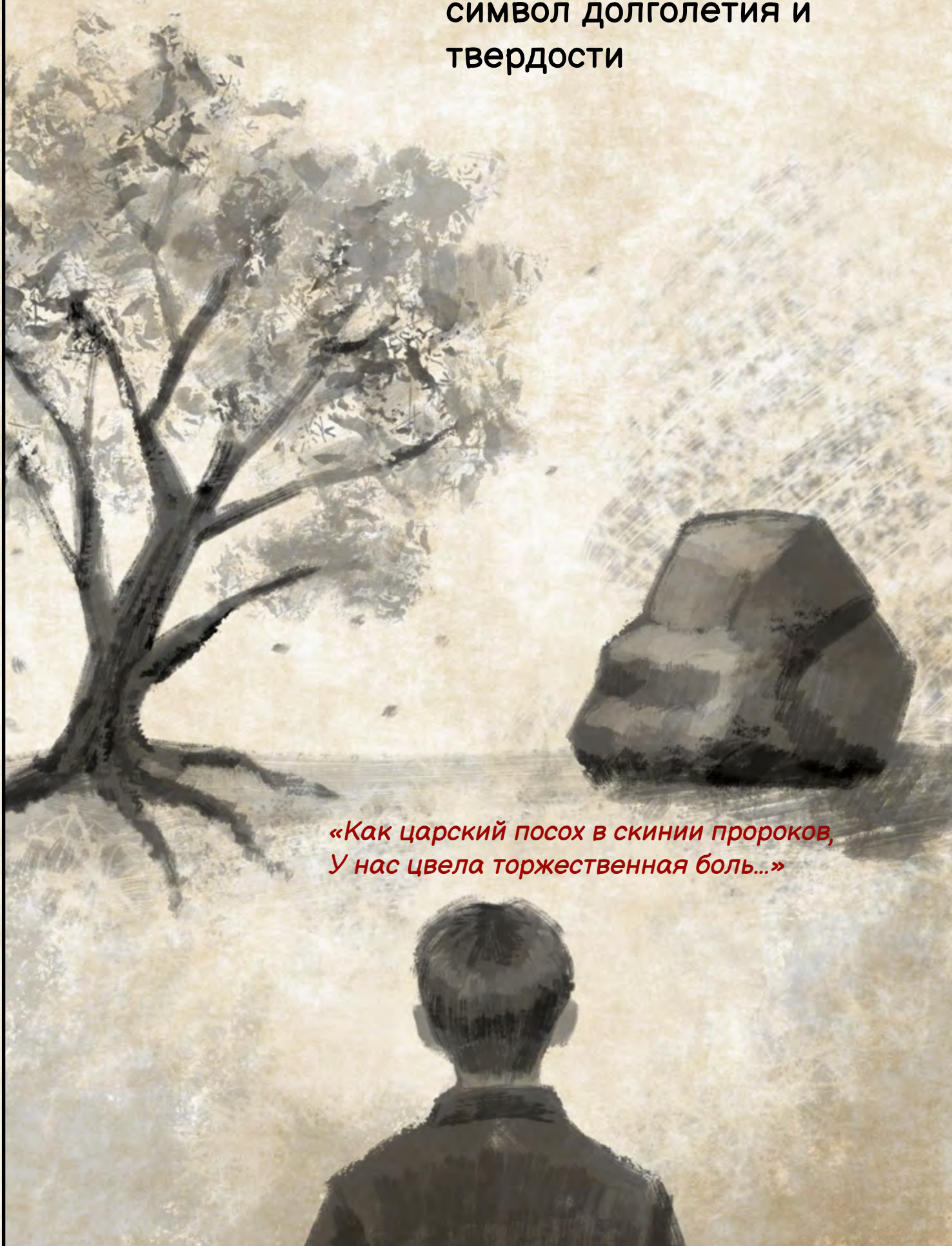
Флора Овсеевна,
музыкант

Эмиль Вениаминович
(Хацкель Вениаминович),
мастер перчаточного дела

*Познакомьтесь со стихотворением
«Есть ценностей незыблемая скала»

Миндалевое дерево —
символ долголетия и
твёрдости

*«Как царский посох в скинии пророков,
У нас цвела торжественная боль...»*

В 1900 году он поступил в Тенишевское училище – одно из лучших в России. В 1907 году в училищном журнале были напечатаны два его стихотворения. В сентябре того же года он пытался вступить в партию эсеров, но не был принят по малолетству. В 1908–1910 годах Мандельштам слушал лекции в Сорбонне и Гейдельбергском университете.

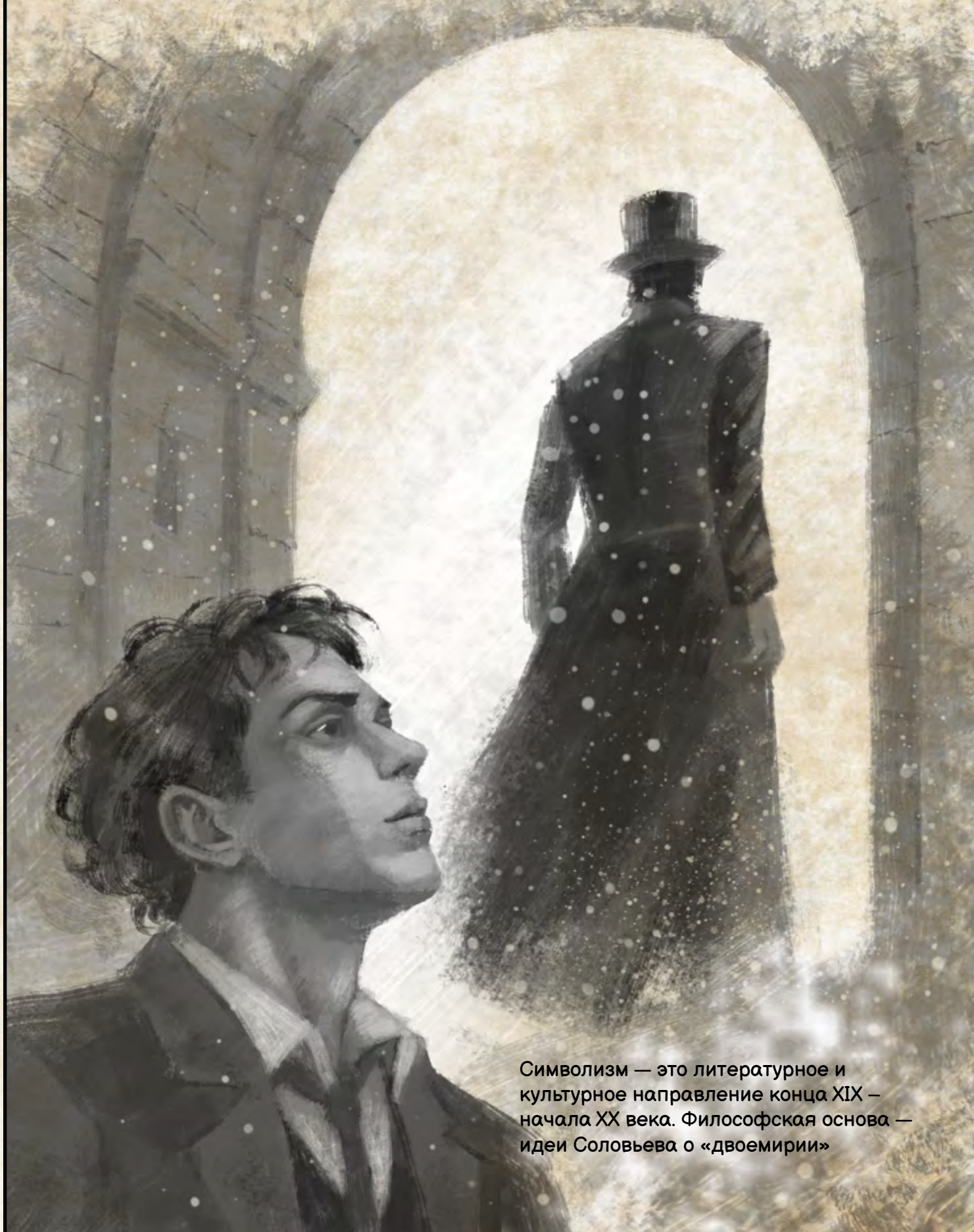
В мае 1911 года в Выборге он крестился по методистскому обряду, что позволило ему поступить в Петербургский университет, куда евреев не принимали.

В том же году он был зачислен на романо-германское отделение историко-филологического факультета, однако курса не окончил.

1910 год
Встреча с Блоком

Преодолевая символизм

Для Мандельштама Блок был фигурой, которую нужно было преодолеть, чтобы найти собственный голос. Акмеизм родился из отрицания символизма и Блок был его главным голосом. Однако к моменту смерти Блока в 1921 году Мандельштам осознал: тот был прав в своем трагическом предчувствии.

Символизм — это литературное и культурное направление конца XIX — начала XX века. Философская основа — идеи Соловьева о «двоемирии»

Выход сборника «Камень»

Акмеизм

Акмеизм — это литературное течение, которое сложилось в России в 1910-х годах как реакция на символизм.

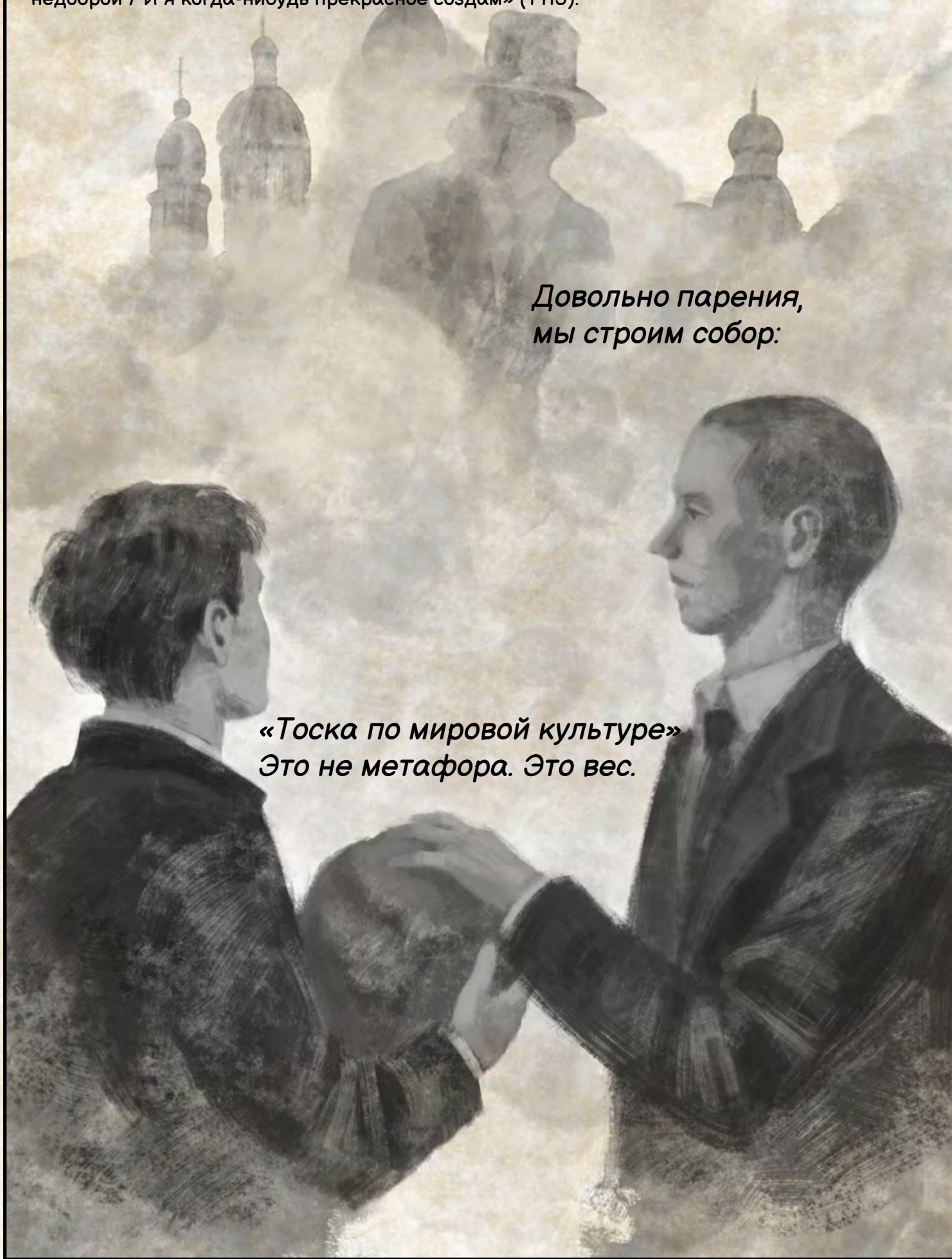
От греч. ακμή (акме) — высшая степень, вершина

Ясность. Конкретность. Предметность.

В 1911 году он вошёл в «Цех поэтов» — объединение акмеистов, возникшее как реакция на символистскую «зыбкость». В 1913 году вышла первая книга — «Камень». В ней он провозгласил иную поэтику: не туман, а камень. Не мистика, а архитектура. «Из тяжести недоброй / И я когда-нибудь прекрасное создам» (1913).

*Довольно парения,
мы строим собор:*

*«Тоска по мировой культуре»
Это не метафора. Это вес.*

*«Худощавый мальчик с
ландышем в петлице, с
высоко закинутой головой»
Анна Ахматова, 1911*

*Вполоборота, о печаль,
На равнодушных поглядела.
Спадая с плеч, окаменела
Ложноклассическая шаль (1914)*

Знакомство состоялось в ночь с 14 на 15 марта 1911 года на «башне» Вячеслава Иванова. Мандельштам называл дружбу с Ахматовой и Гумилёвым «главной удачей» своей жизни. Их отношения не были романом в привычном смысле — сама Ахматова настаивала на этом. Это была глубокая поэтическая связь, состязание в точности слова.

В январе 1914 года Мандельштам отправил ей открытку:
«История наших отношений довольно прекрасная. Благодарю
за понимание!» Он посвятил ей стихотворение, запечатлевшее
мгновение в «Бродячей собаке».

Дружба с Ахматовой одна
из главных в жизни удач

1914 год. Распад цеха поэтов

Цех поэтов — поэтическое объединение, в
которое входили Ахматова, Мандельштам,
Гумилев, Городецкий, Нарбут, Зенкевич и др.

Февральскую революцию Мандельштам приветствовал, Октябрьскую не принял. В 1922 году вышла вторая книга — «Tristia». В ней — скорбь по утраченному дому, по Петербургу.

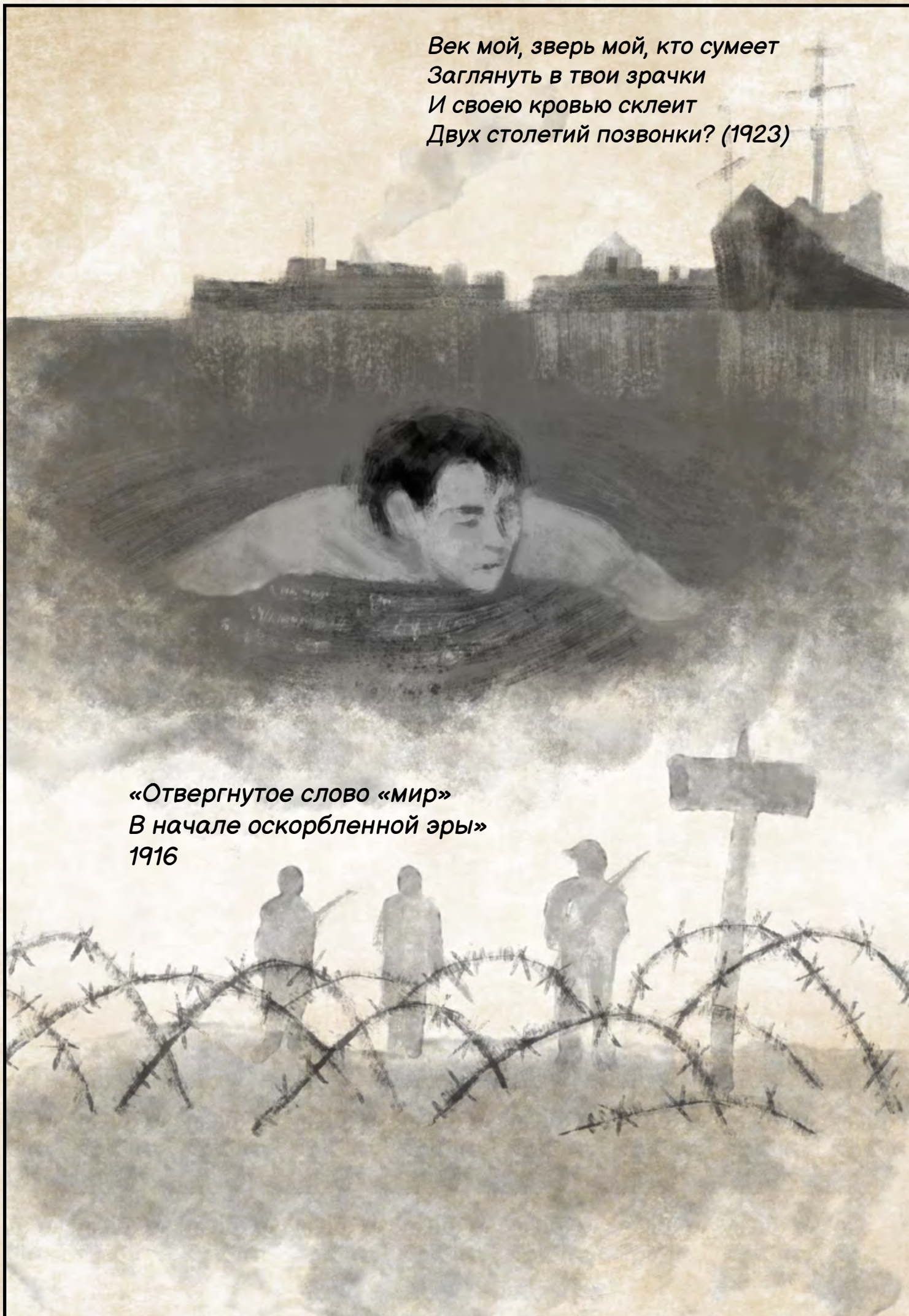

Где римский судия судил чужой народ,
Стоит базилика, и — радостный и первый —
Как некогда Адам, распластывая нервы,
Играет мышцами крестовый легкий свод.
Но выдает себя снаружи тайный план,
Здесь позаботилась подпружных арок сила,
Чтоб масса грузная стены не сокрушила,
И свода дерзкого бездействует таран.
Стихийный лабиринт, непостижимый лес,
Души готической рассудочная пропасть,
Египетская мощь и христианства робость,
С тростинкой рядом — дуб, и всюду царь — отвес.
Но чем внимательней, твердыня Notre Dame,
Я изучал твои чудовищные ребра, —
Тем чаще думал я: из тяжести недоброй
И я когда-нибудь прекрасное создам...
1912 г.

*Век мой, зверь мой, кто сумеет
Заглянуть в твои зрачки
И своею кровью склеит
Двух столетий позвонки? (1923)*

*«Отвергнутое слово «мир»
В начале оскорбленной эры»
1916*

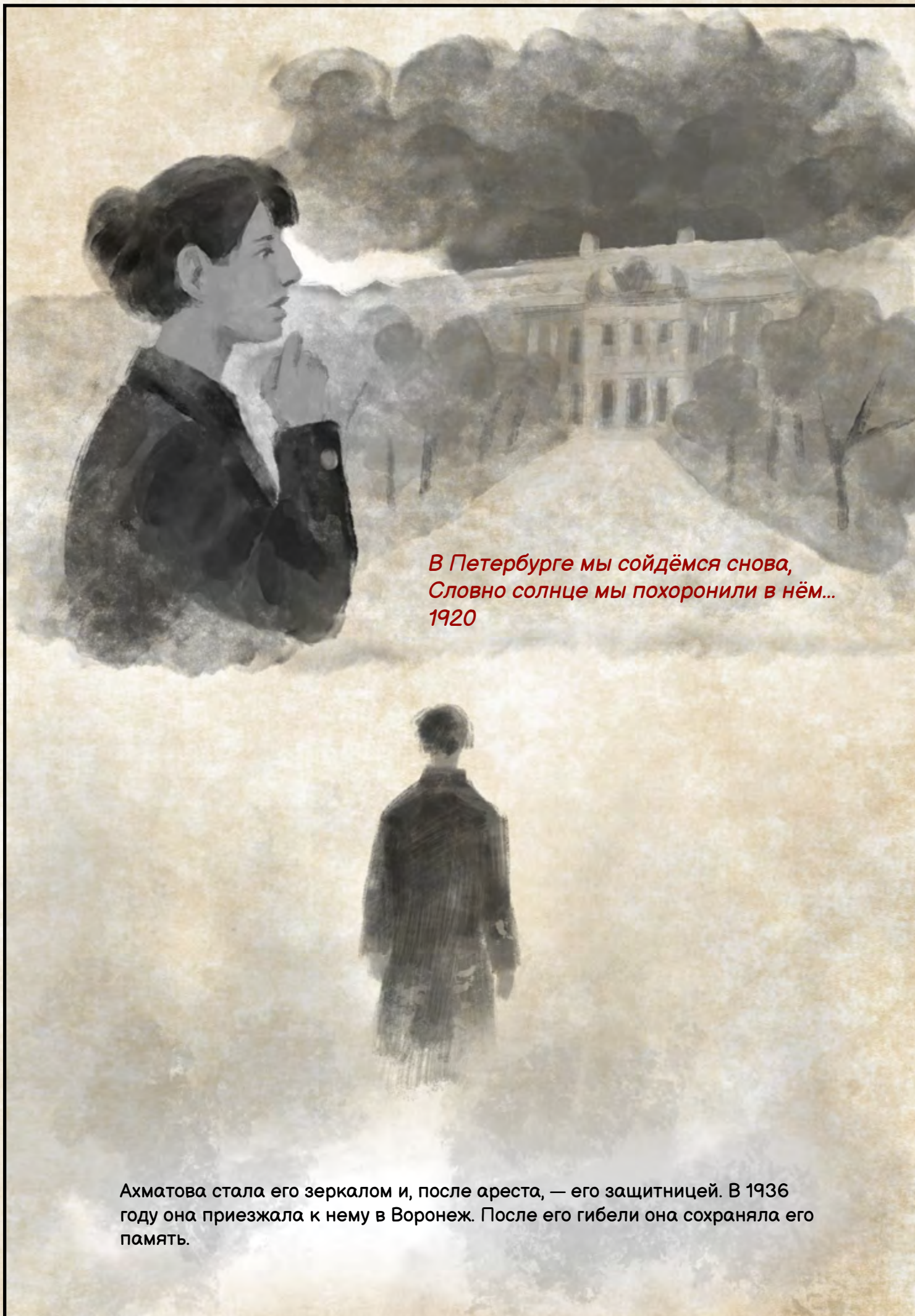

Петроград. Начало НЭПа

*В Петрополе прозрачном мы умрем,
Где властвует над нами Прозерпина.
Мы в каждом вздохе смертный воздух пьем,
И каждый час нам смертная година.*
1916

Ахматова
превращается
в «сестру» по
несчастью

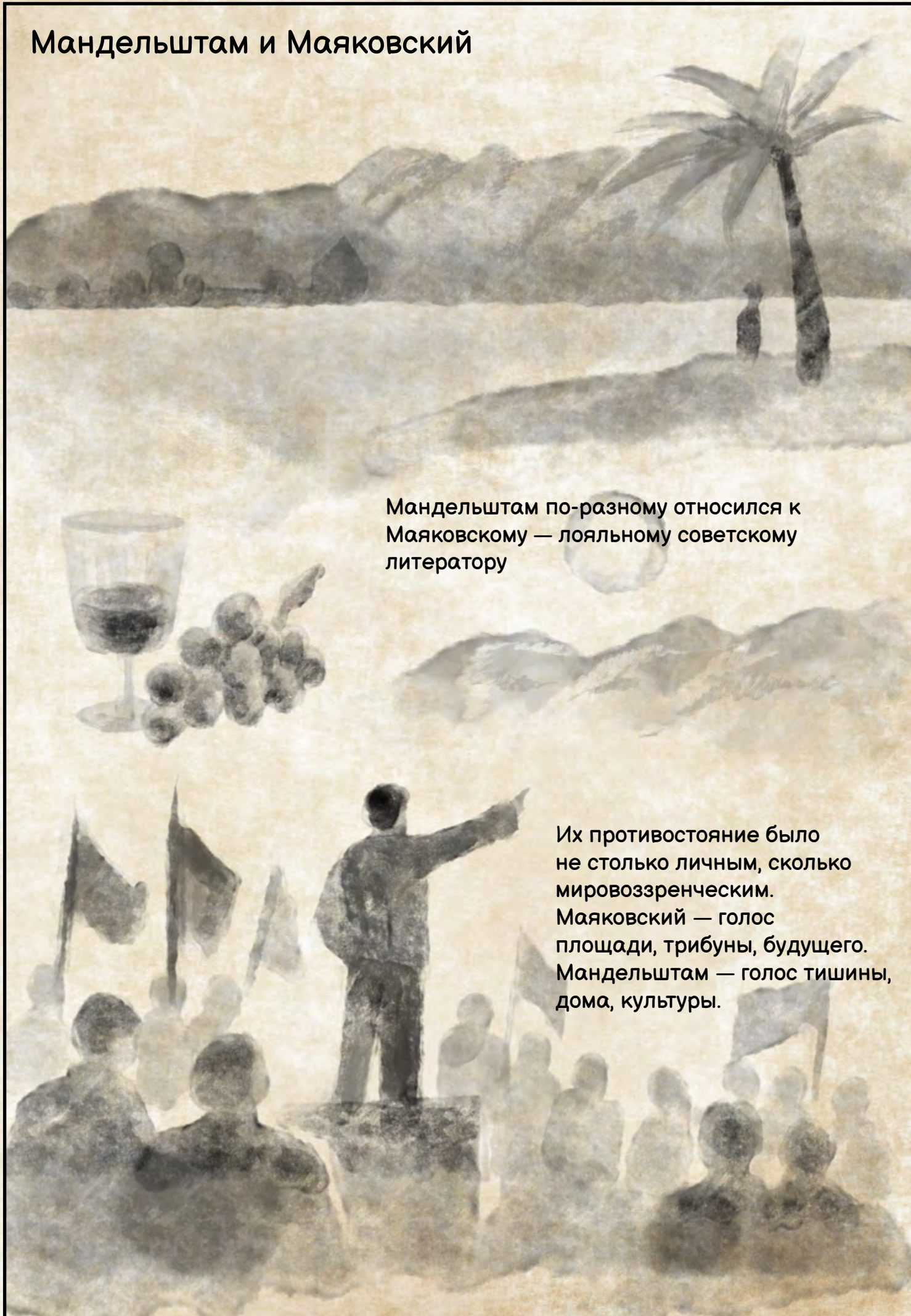

*В Петербурге мы сойдёмся снова,
Словно солнце мы похоронили в нём...
1920*

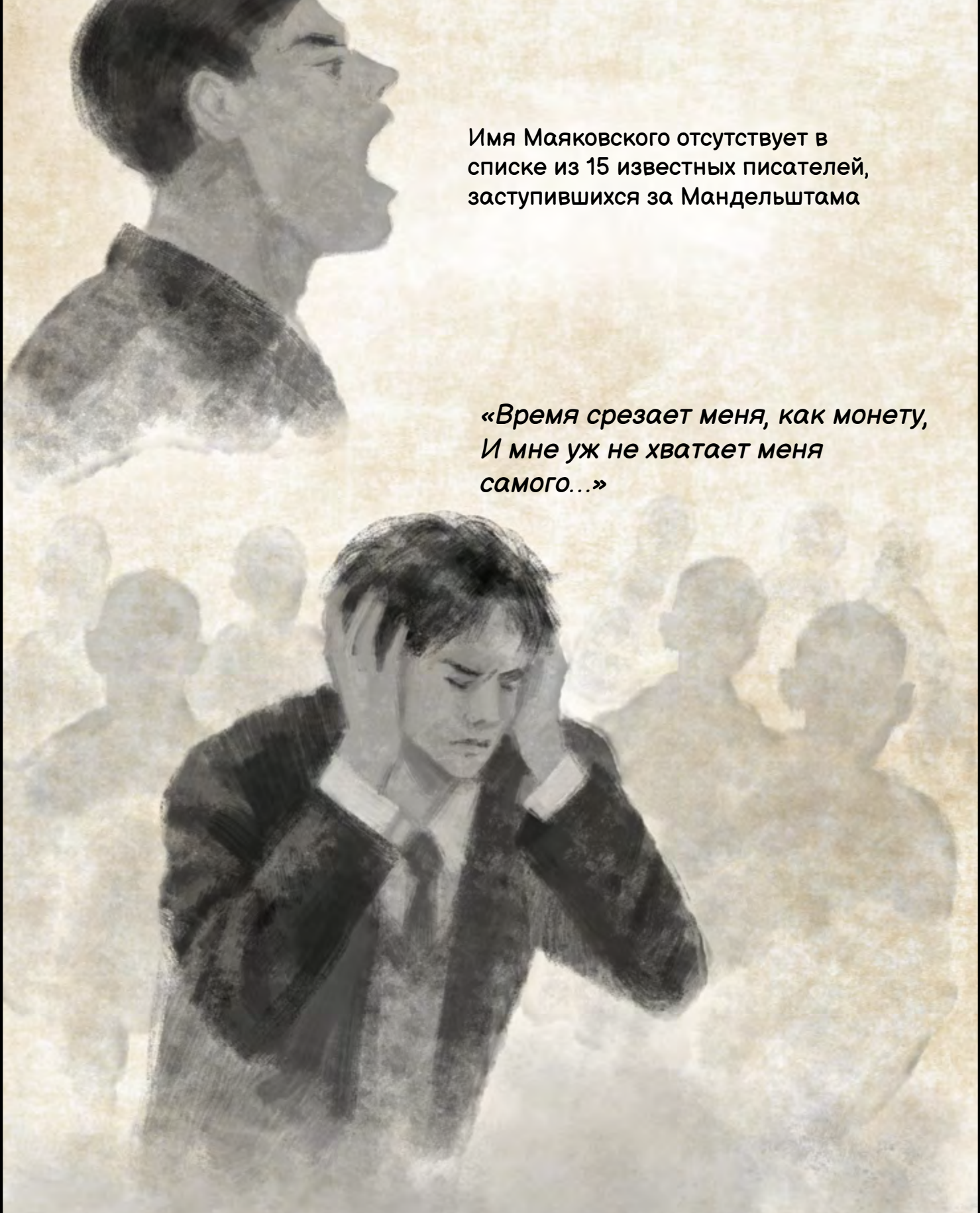
Ахматова стала его зеркалом и, после ареста, — его защитницей. В 1936 году она приезжала к нему в Воронеж. После его гибели она сохраняла его память.

Мандельштам и Маяковский

Мандельштам по-разному относился к Маяковскому — лояльному советскому литератору

Их противостояние было не столько личным, сколько мировоззренческим. Маяковский — голос площади, трибуны, будущего. Мандельштам — голос тишины, дома, культуры.

Имя Маяковского отсутствует в
списке из 15 известных писателей,
заступившихся за Мандельштама

*«Время срезает меня, как монету,
И мне уж не хватает меня
самого...»*

Их знаменитая встреча в магазине Елисеева стала символической: Маяковский, увидев Мандельштама, продекламировал строки из его юношеского стихотворения «Теннис» (1913) — «Как аттический солдат, в своего врага влюбленный...». Некоторое время они смотрели друг на друга: «Маяковский ядовито сверху вниз, а Мандельштам заносчиво снизу вверх». Маяковский называл Мандельштама «мраморной мухой» — в этом прозвище было и презрение, и признание его скульптурной, почти нечеловеческой красоты.

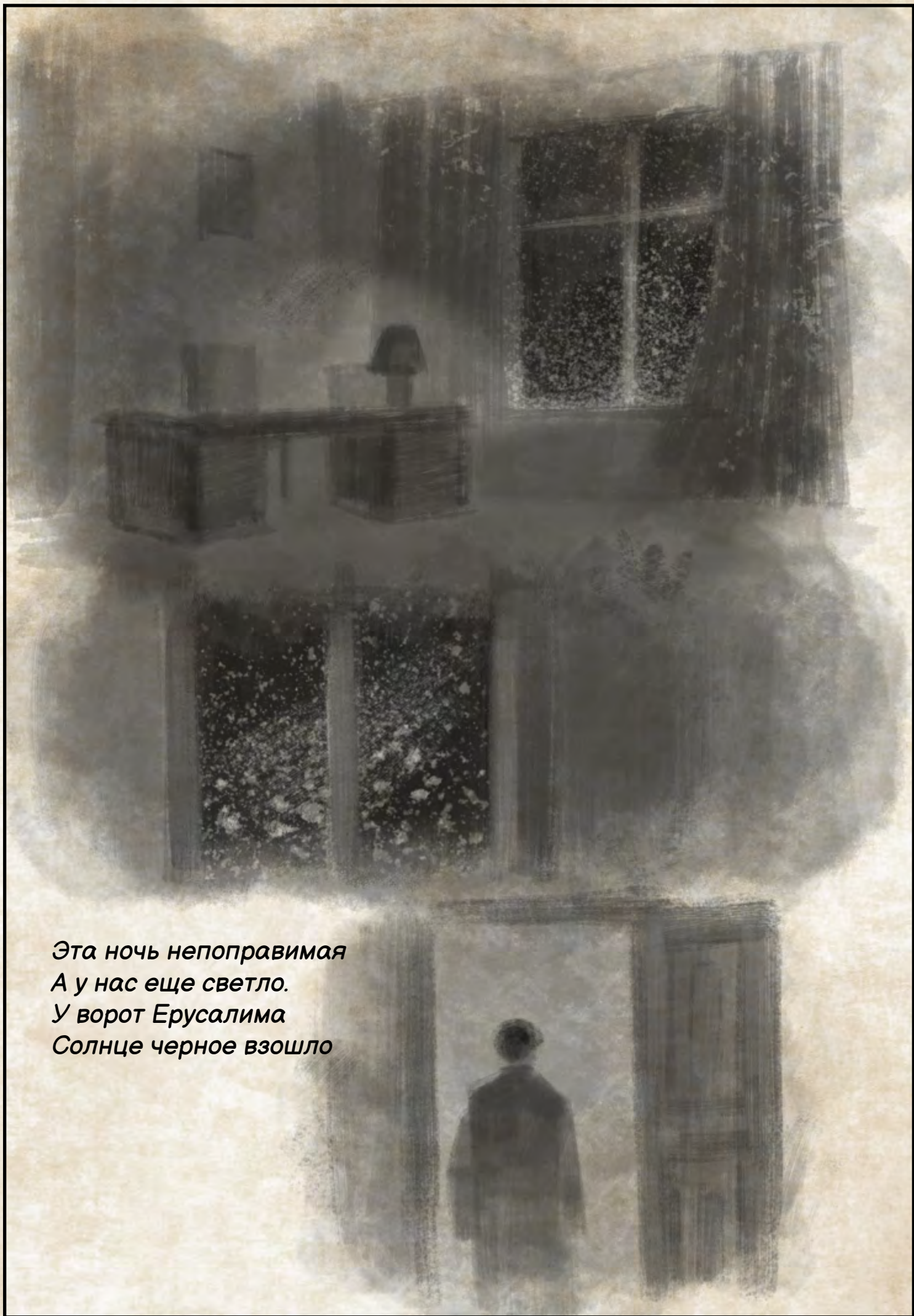

Тяжело переживал смерть Блока. 1921

Их отношения были напряжёнными. Блок не терпел притворства. Мандельштам, в свою очередь, искал выход из «блоковского тумана» — и нашёл его в камне, в архитектуре, в точном слове. Но блоковская интонация, его чувство исторической катастрофы остались в мандельштамовской поэзии навсегда.

*«Блок был человеком 19 века и знал,
что дни его столетия сочтены...»
«Барсучья нора», 1922*

Эта ночь непоправимая
А у нас еще светло.
У ворот Ерусалима
Солнце черное взошло

Москва 1928

*«Чувствую себя должником революции,
но приношу ей дары, в которых она
нуждается»*

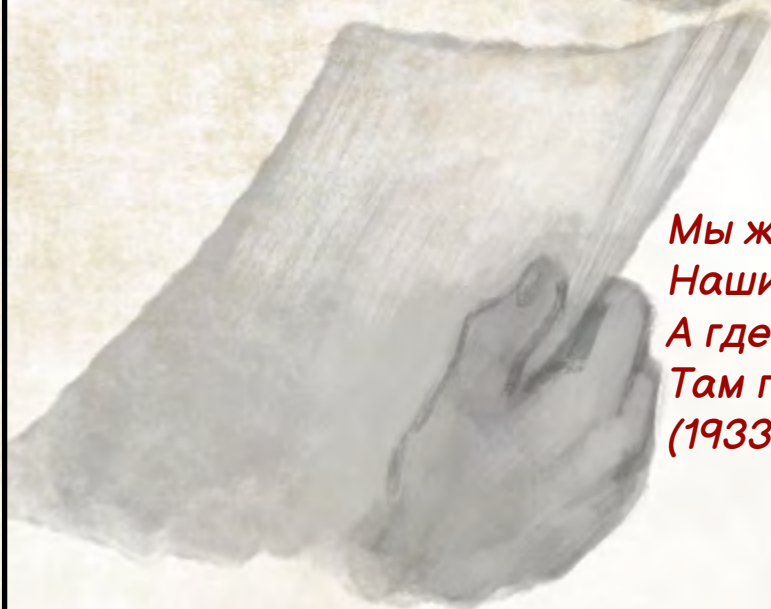
Работает переводчиком

В середине 1920-х он почти перестал писать стихи, сосредоточившись на прозе:
«Шум времени» (1925), «Египетская марка» (1928). Чтобы заработать, много
переводил.

1930 г — пишет «Четвертую прозу»

Обличает режим

В ноябре 1933 года
Мандельштам написал
стихотворение о Сталине.
Он никогда не записывал
его — читал вслух нескольким
доверенным людям. Кто-то
запомнил текст и передал
копию в НКВД. Кто был
доносчиком, осталось
неизвестным.

*Мы живём, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлёвского горца.
(1933)*

Молчание

*Я изучил науку расставанья
В простоволосых жалобах ночных.
Жуют волы, и длится ожиданье,
Последний час вигилий городских;
И чту обряд той петушиной ночи,
Когда, подняв дорожной скорби груз,
Глядели в даль заплаканные очи
И женский плач мешался с пеньем муз.
Кто может знать при слове
расставанье —
Какая нам разлука предстоит?
Что нам сулит петушьье восклицанье,
Когда огонь в акрополе горит?
И на заре какой-то новой жизни,
Когда в сениях лениво вол жует,
Зачем петух, глашатай новой жизни,
На городской стене крылами бьет?*

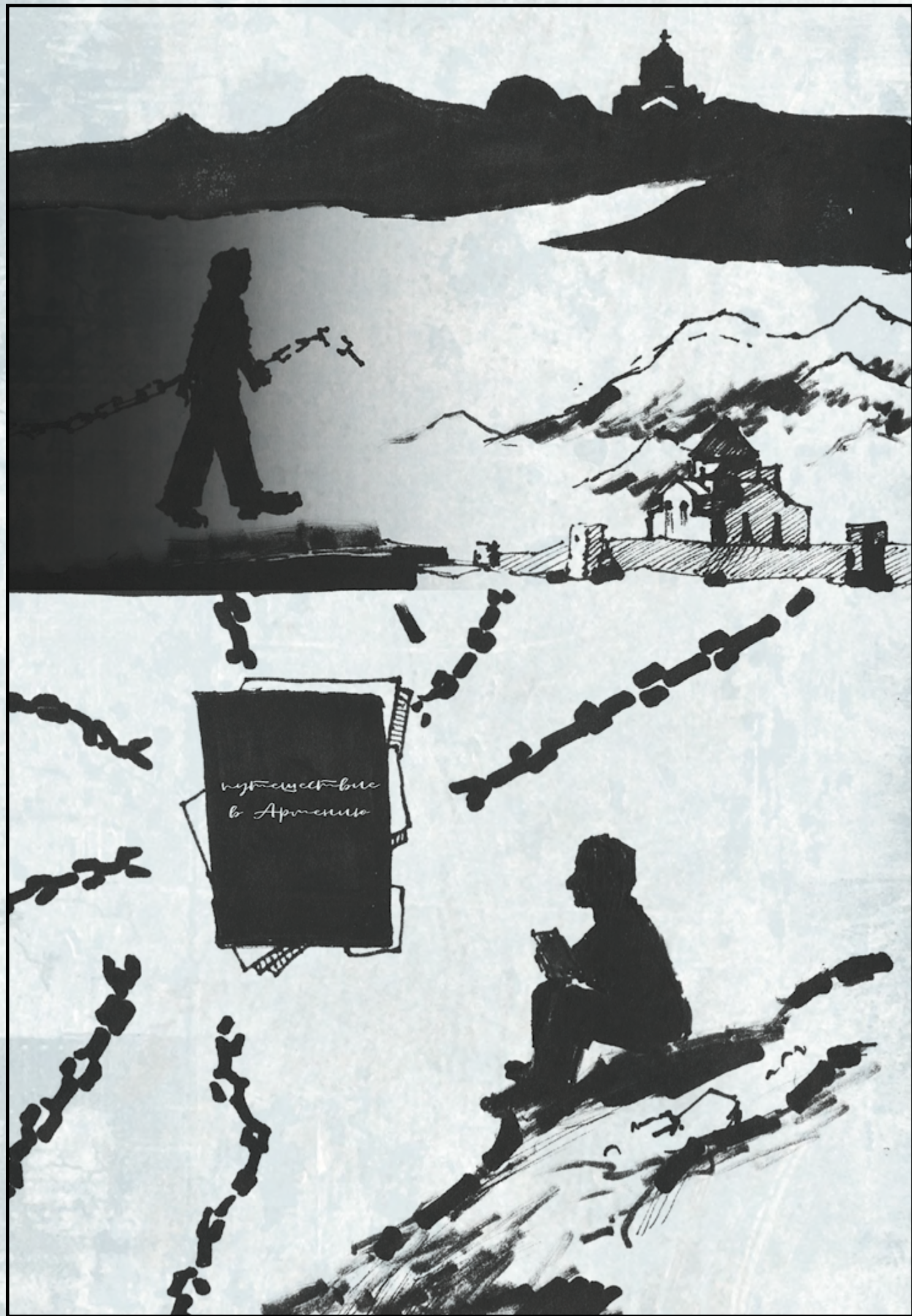
*И я люблю обыкновенье пряжи:
Снует челнок, веретено жужжит.
Смотри: навстречу, словно пух лебяжий,
Уже босая Делия летит!
О, нашей жизни скудная основа,
Куда как беден радости язык!
Все было встарь, все повторится снова,
И сладок нам лишь узнаванья миг.
Да будет так: прозрачная фигурка
На чистом блюде глиняном лежит,
Как беличья распластанная шкурка,
Склонясь над воском, девушка глядит.
Не нам гадать о греческом Эребе,
Для женщин воск, что для мужчины
медь.
Нам только в битвах выпадает жребий,
А им дано, гадая, умереть.
1918 г.*

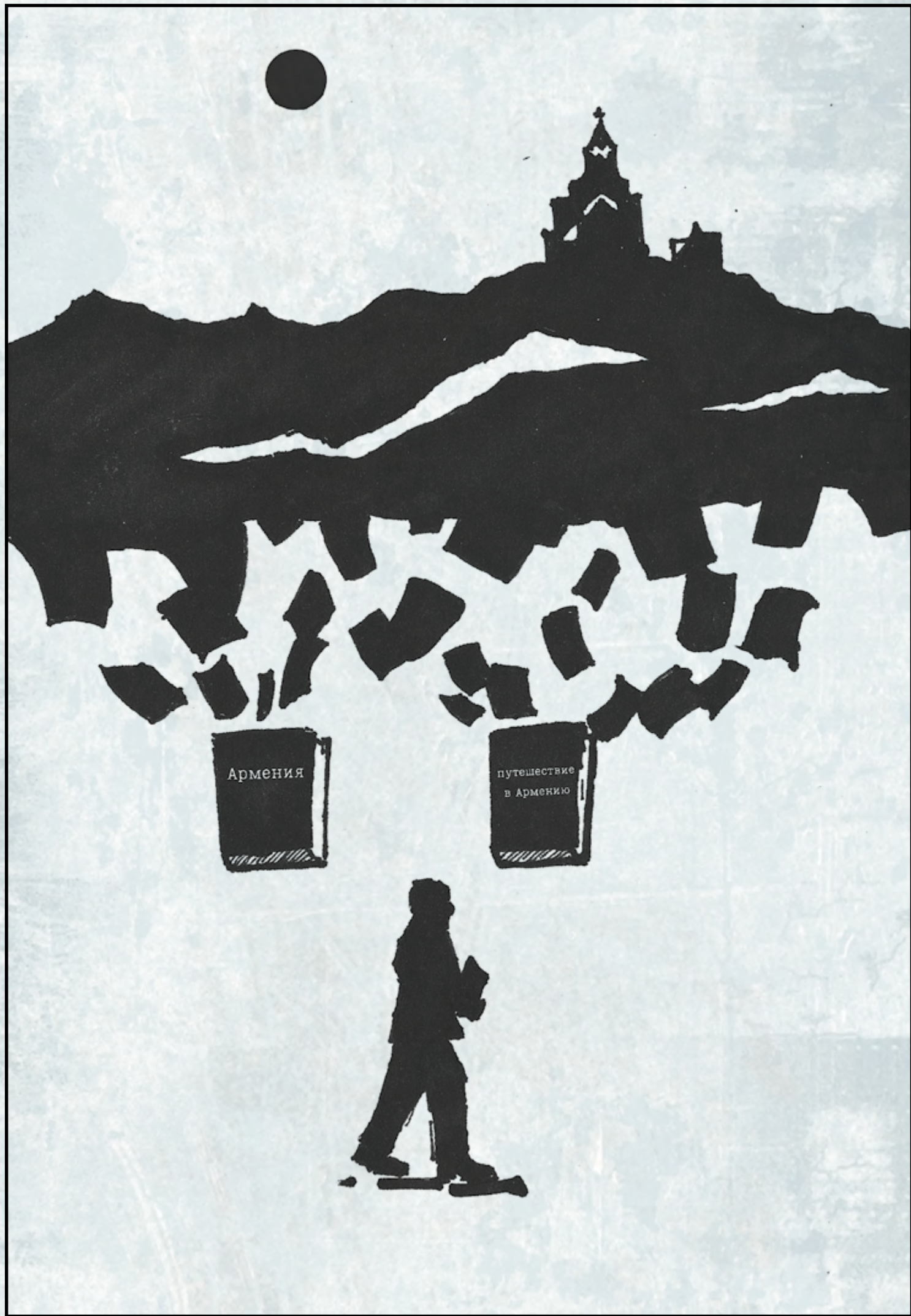
Маяковский, по свидетельству Лили Брик, любил читать стихи
Мандельштама вслух. Самоубийство Маяковского в 1930 году
стало для Мандельштама потрясением.

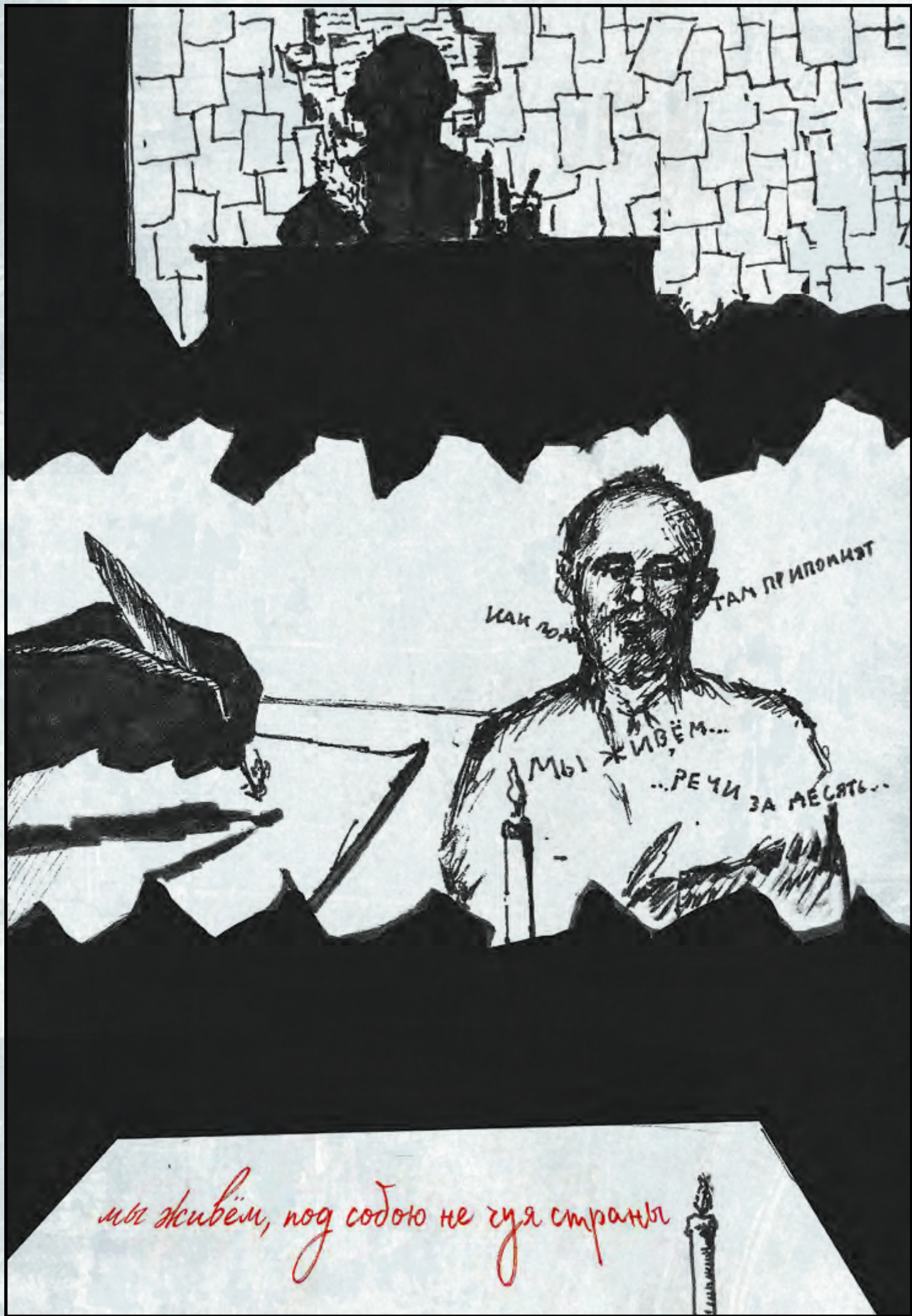
Он сказал: «Маяковский
убивался 10 лет, но последний
выстрел был роковым».

КАК ПОМНИМ ТАМ ПРИПОМИНАЕТ

МЫ ЖИВЁМ...
...РЕЧИ ЗА МЕСЯЦ...

мы живём, под собою не чуя страны

там припомнят

кремлёвского

горца

14 мая 1934 года Мандельштам
был арестован в Москве.
На допросе он признал авторство.
Он ждал расстрела.

Приговор — три года ссылки в Чердынь. Благодаря вмешательству Николая Бухарина и хлопотам литовского посла Юргиса Балтрушайтиса приговор был смягчён.

В Чердыни Мандельштам попытался покончить с собой, выбросившись из окна больницы. Затем ему разрешили выбрать место ссылки; Мандельштамы выбрали Воронеж.

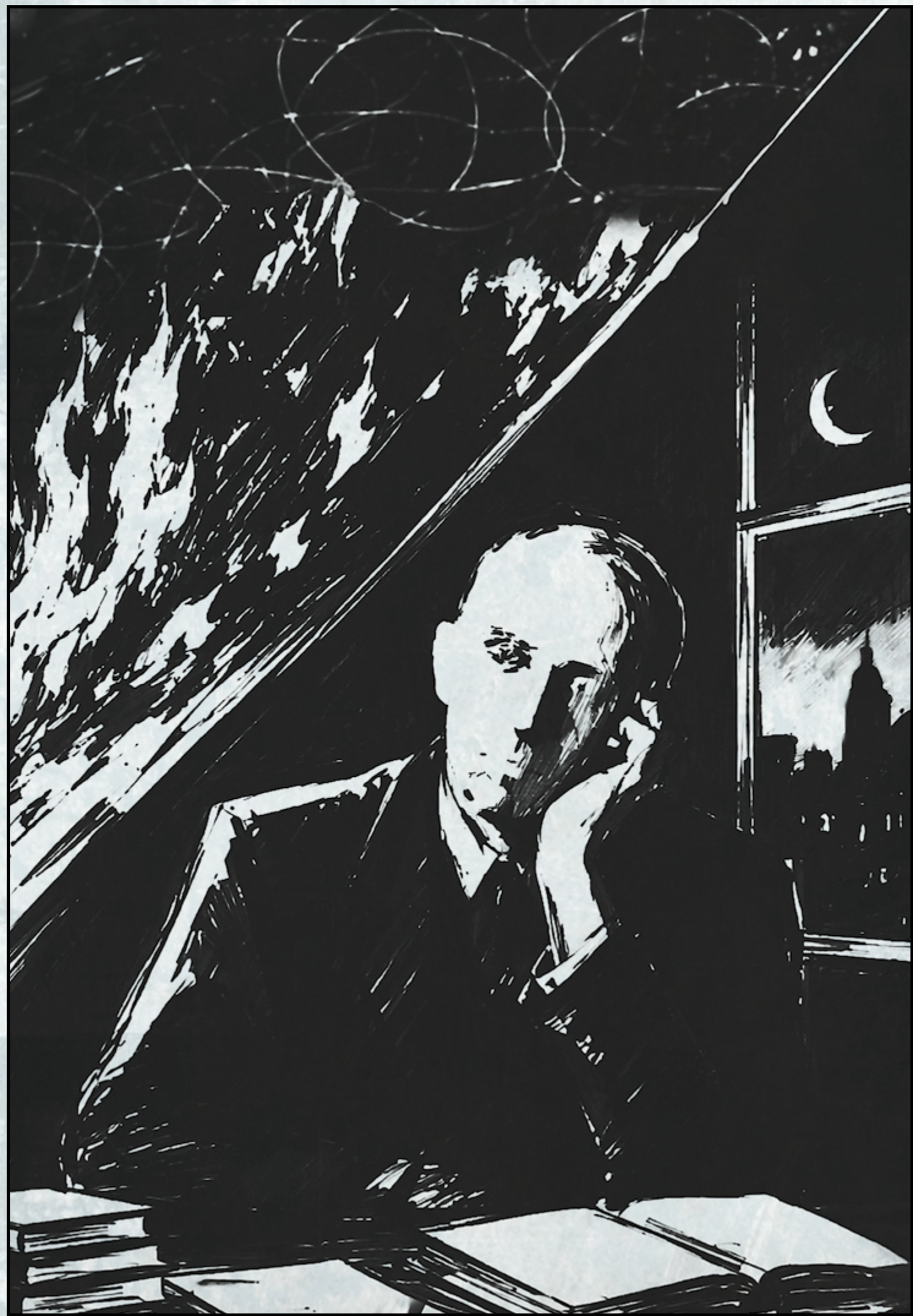

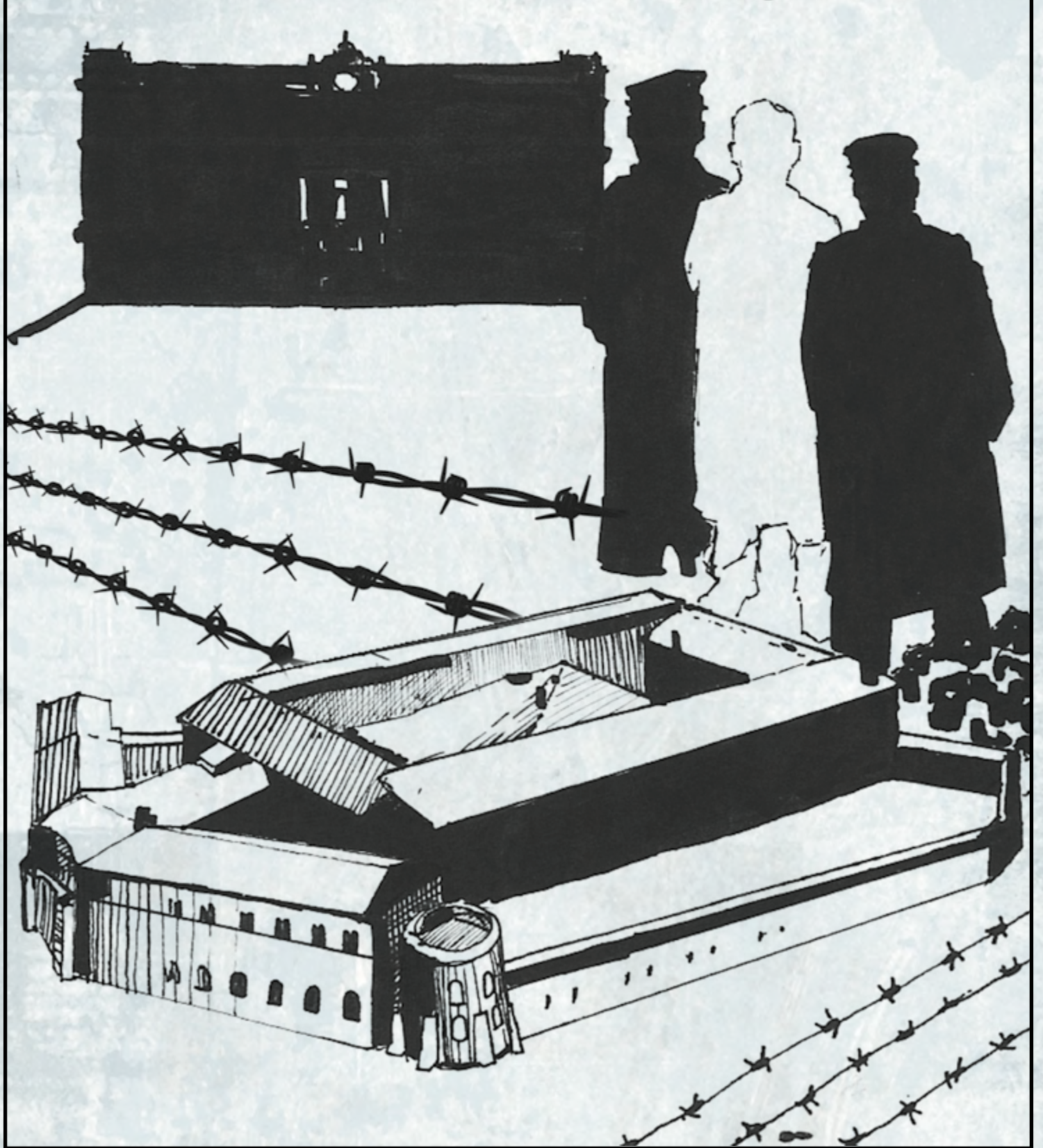
В Воронеже Мандельштам прожил с конца июня 1934 до середины мая 1937 года. В изоляции, почти в нищете, он создал «Воронежские тетради». Здесь он написал каламбур:

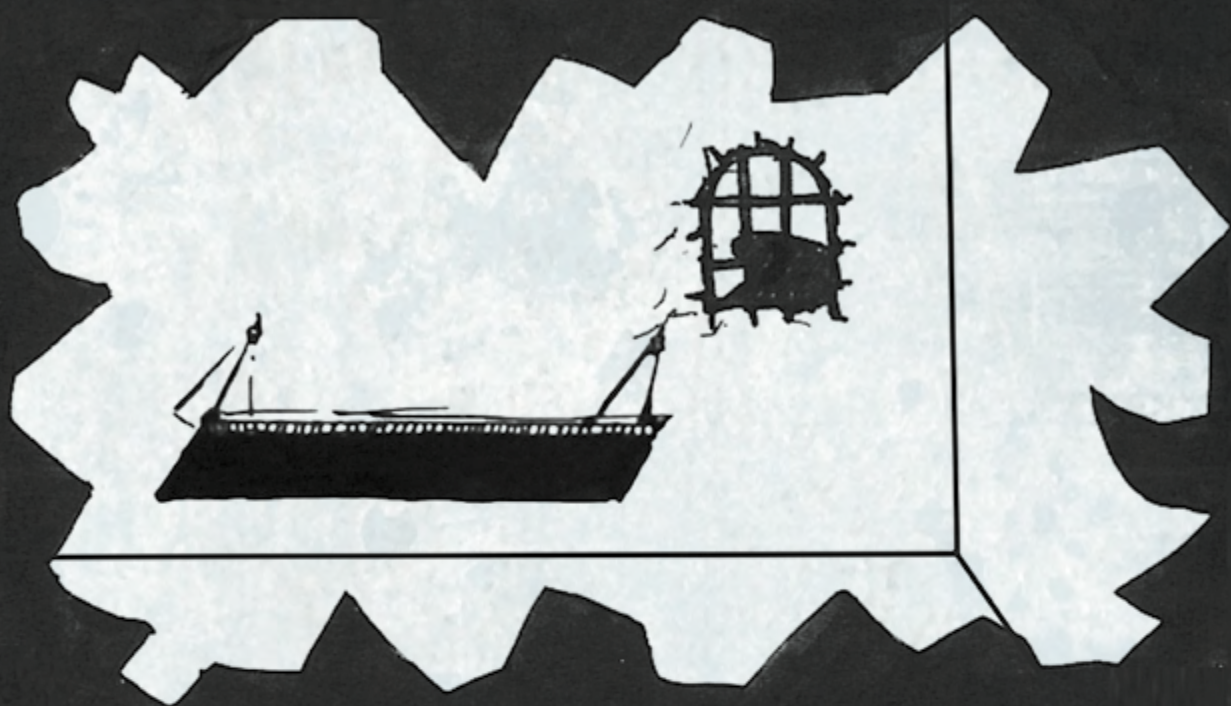
Воронеж — блажь, Воронеж — ворон, нож. (1935)

*Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлёвского горца.
Его толстые пальцы, как черви, жирны,
А слова, как пудовые гири, верны,
Тараканьи смеются усища,
И сияют его голенища.
А вокруг него сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей.
Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
Он один лишь бабачит и тычет,
Как подкову, кует за указом указ —
Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в
глаз.
Что ни казнь у него — то малина
И широкая грудь осетина.
1933 г.*

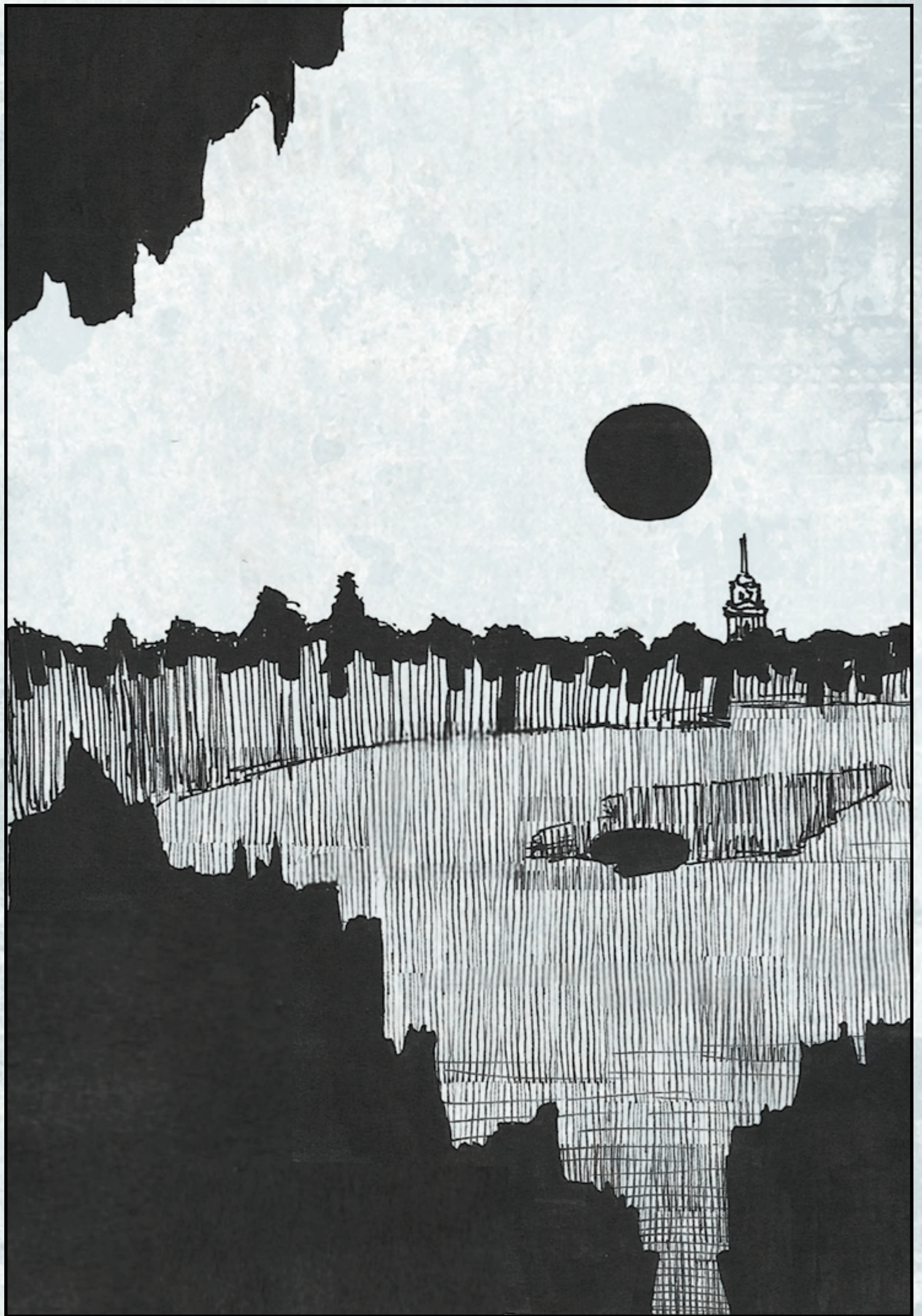

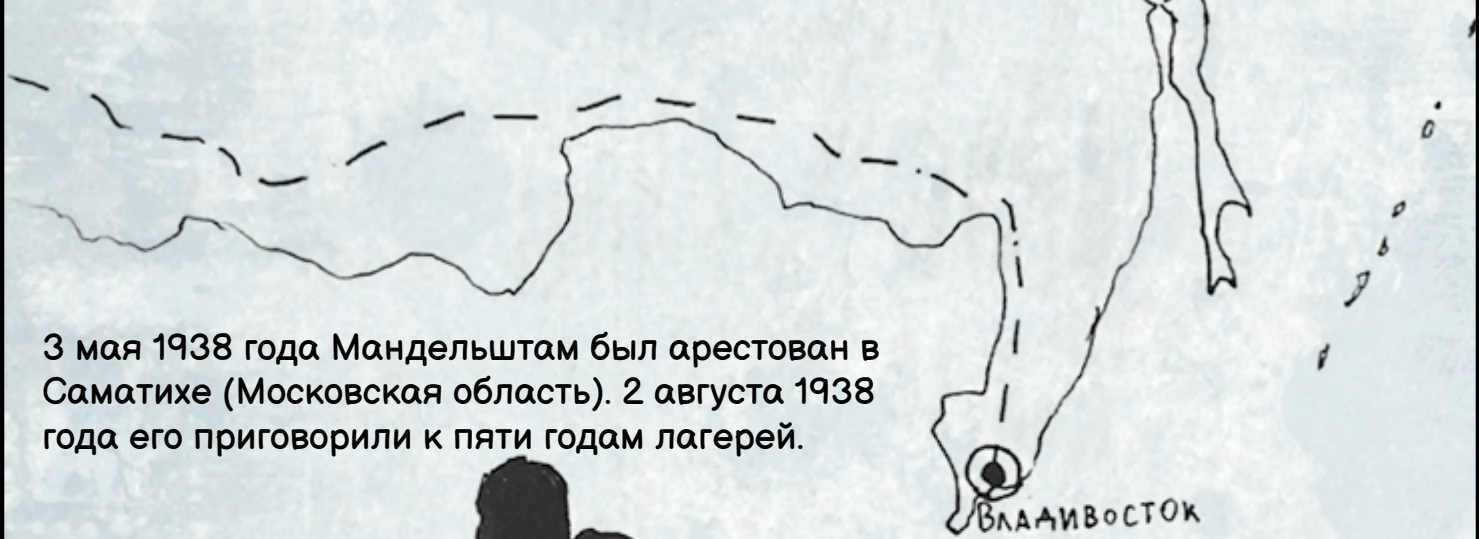

В 1937 году он заставил себя написать «Оду» Сталину, надеясь защитить себя. Это не помогло.

Ссылка закончилась в мае 1937 года. Ему запретили жить в столицах; он скитался, жил в Калининне.

3 мая 1938 года Мандельштам был арестован в Саматихе (Московская область). 2 августа 1938 года его приговорили к пяти годам лагерей.

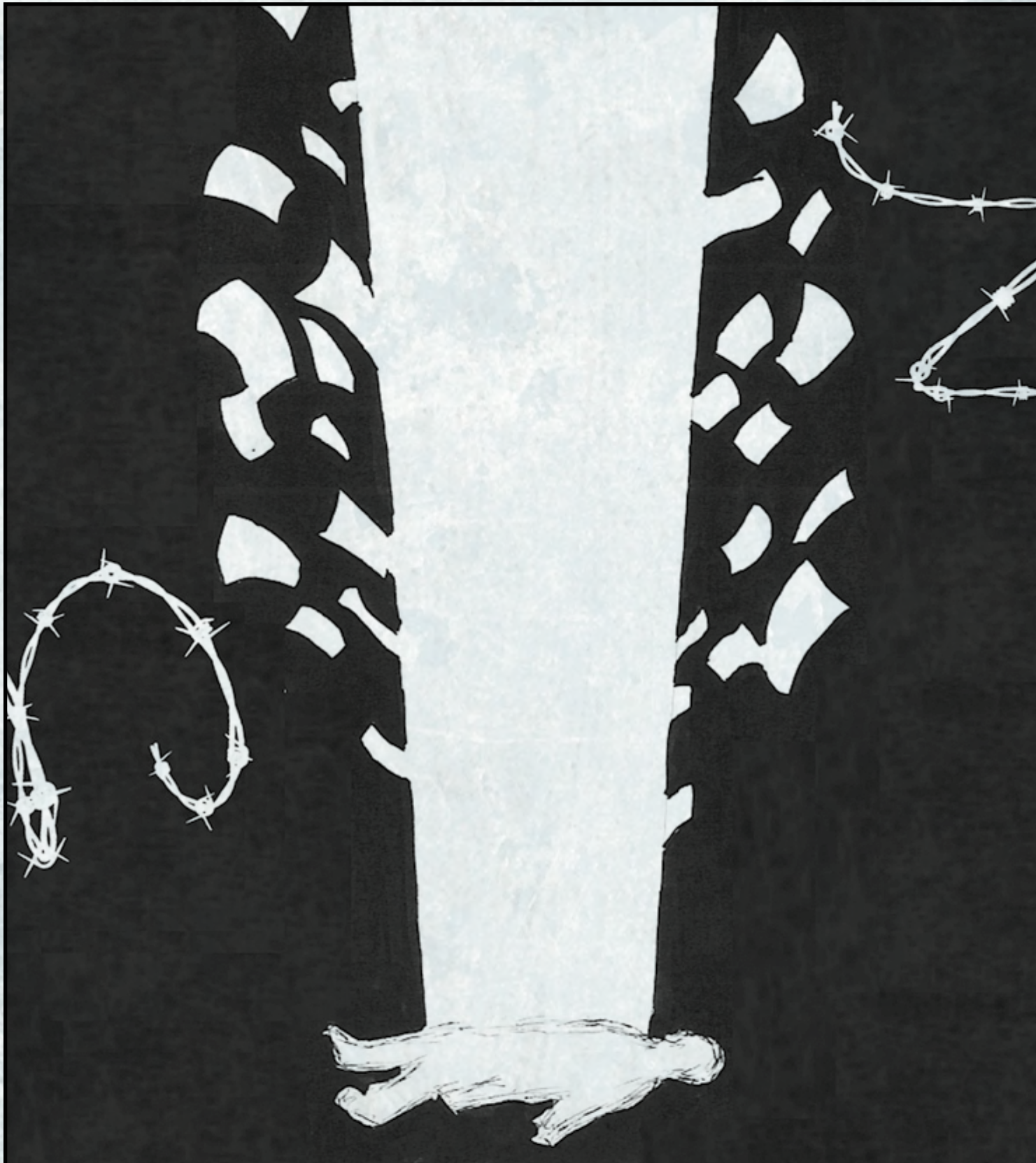
ВЛАДИВОСТОК

Он был отправлен на Дальний Восток. 12 октября прибыл в пересыльный лагерь «Вторая речка» под Владивостоком.

«Здоровье очень плохое. Истощён до крайности. Похудел, почти неузнаваем... Замерзаю без приличных вещей».

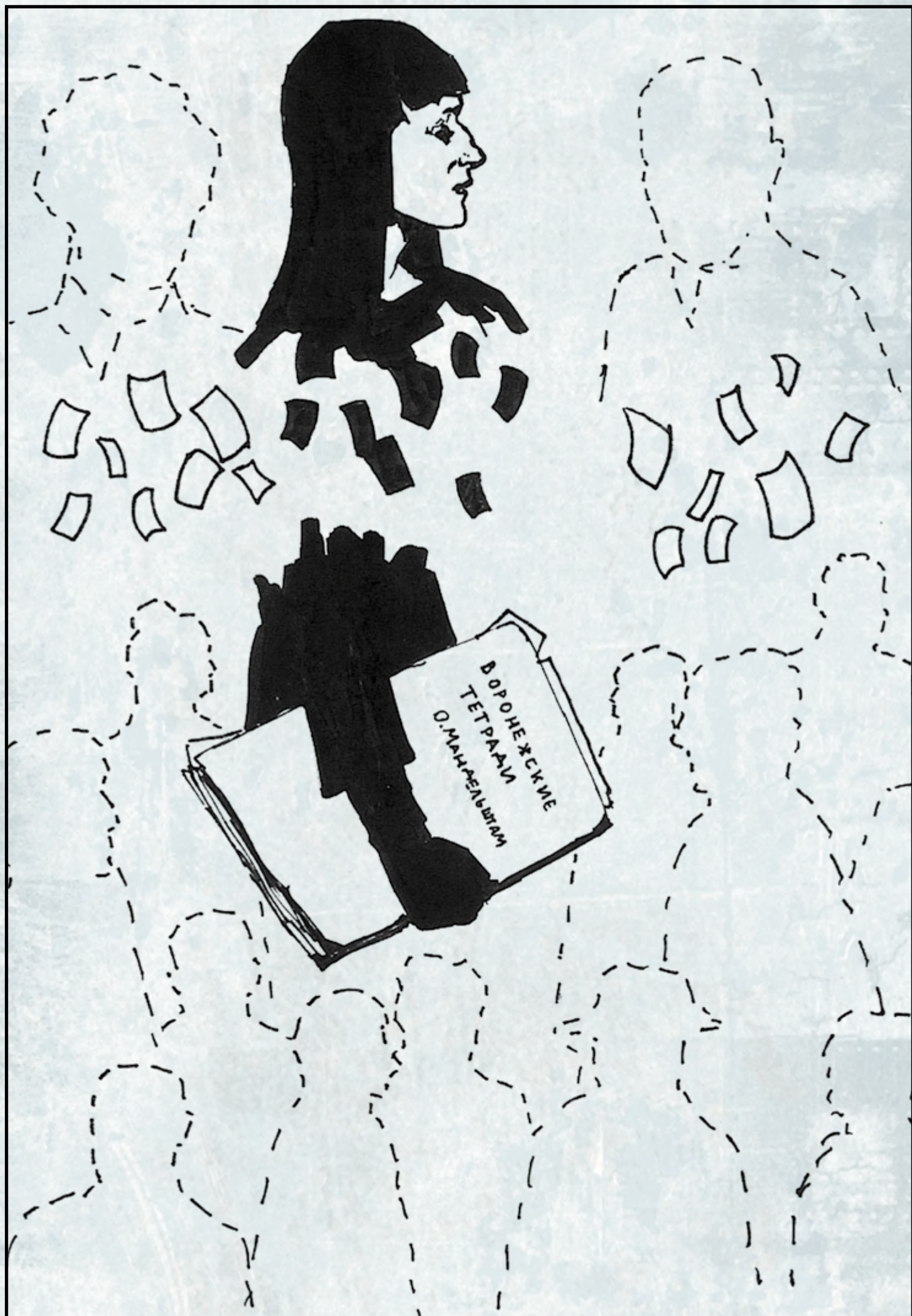

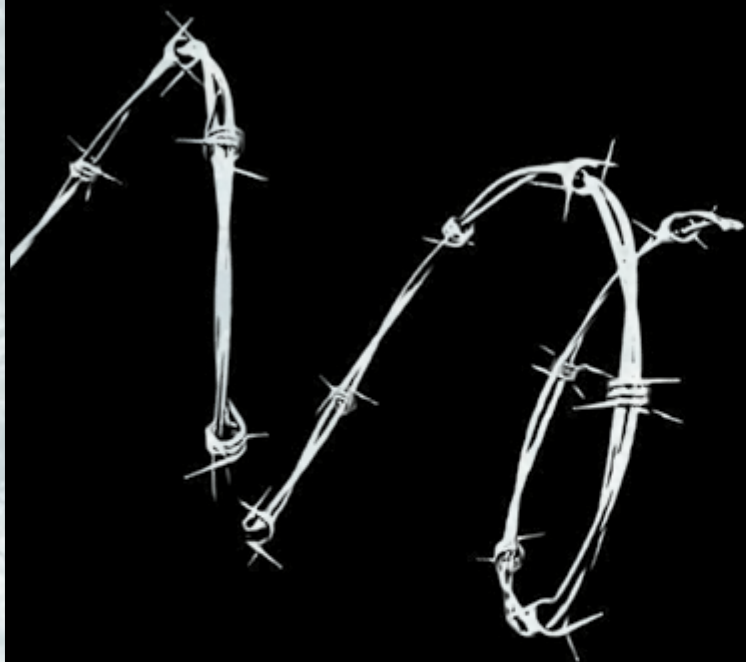
27 декабря 1938 года он умер от тифа. Варлам Шаламов в рассказе «Шерри-бренди» описал, как сокамерники скрывали его смерть два дня, чтобы продолжать получать его паёк. Тело оставалось непогребённым до весны. Местонахождение могилы неизвестно.

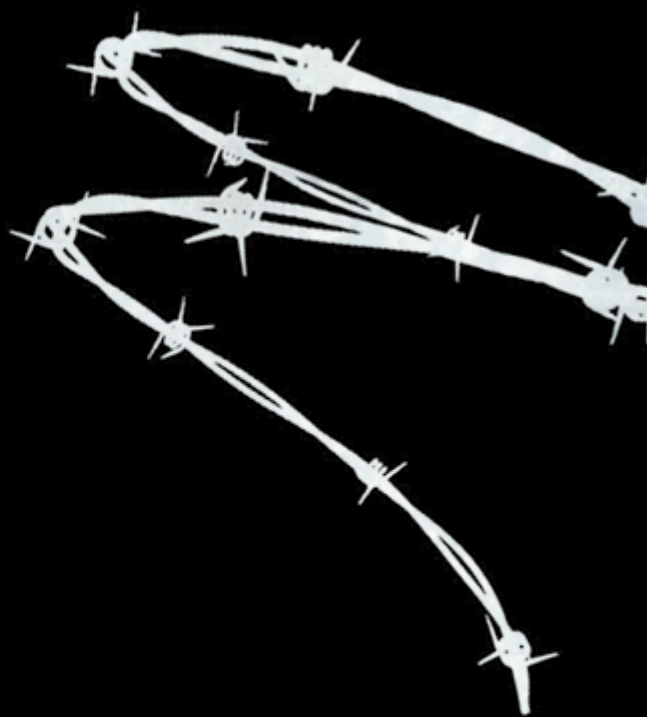
Мандельштам стал «поэтом поколения» не потому, что его стихи были популярны при жизни. Они не были. Он стал им потому, что его судьба стала зеркалом эпохи. Он прошёл путь от Серебряного века до сталинского террора. Он был арестован, сослан, доведён до безумия и умер в лагере. Но в самые страшные годы — в воронежской ссылке — он создал свои лучшие стихи. Его пример — доказательство того, что внутренняя свобода может быть сильнее физических условий.

«и под временным небом чистилища
забываем мы часто...»

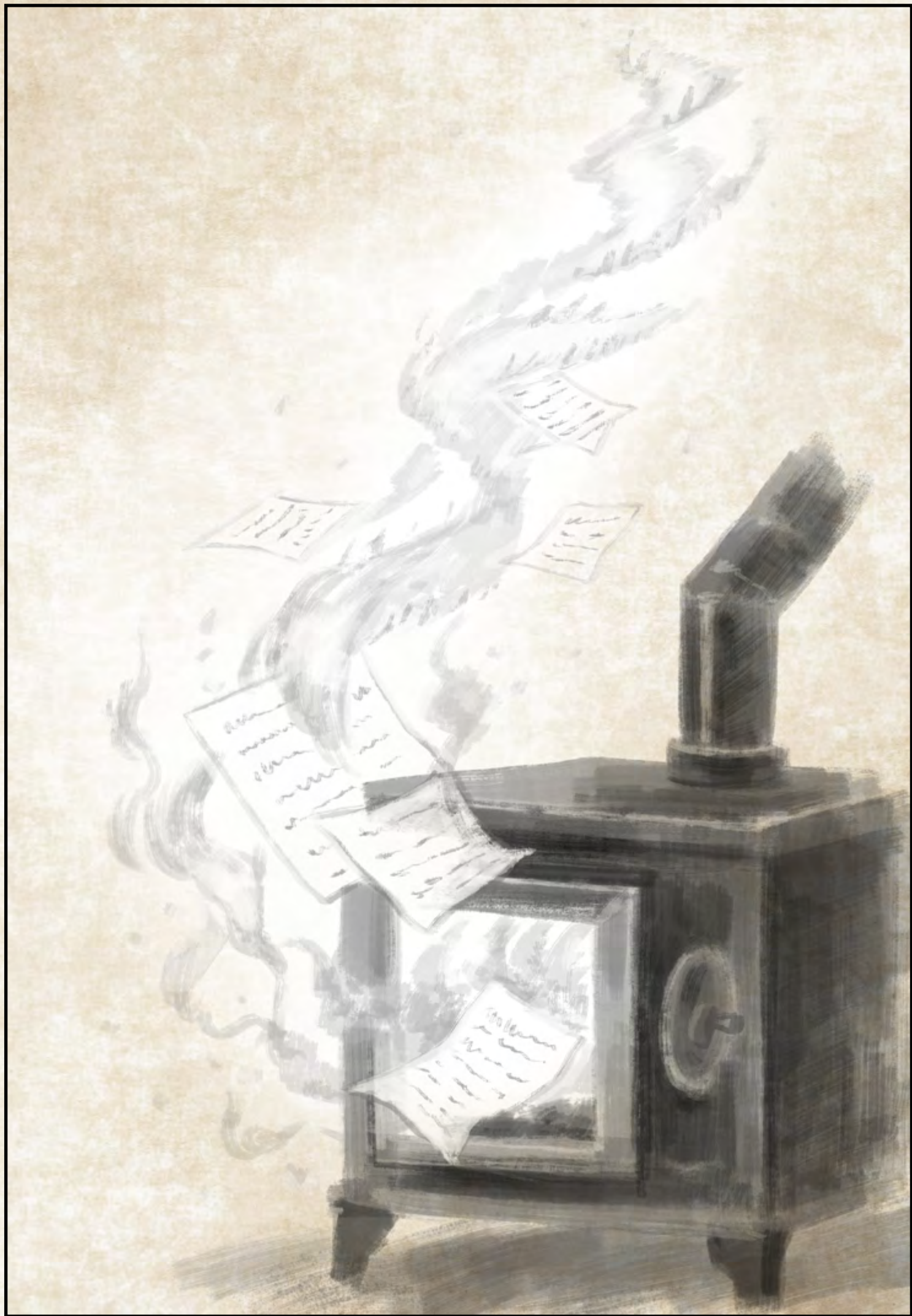

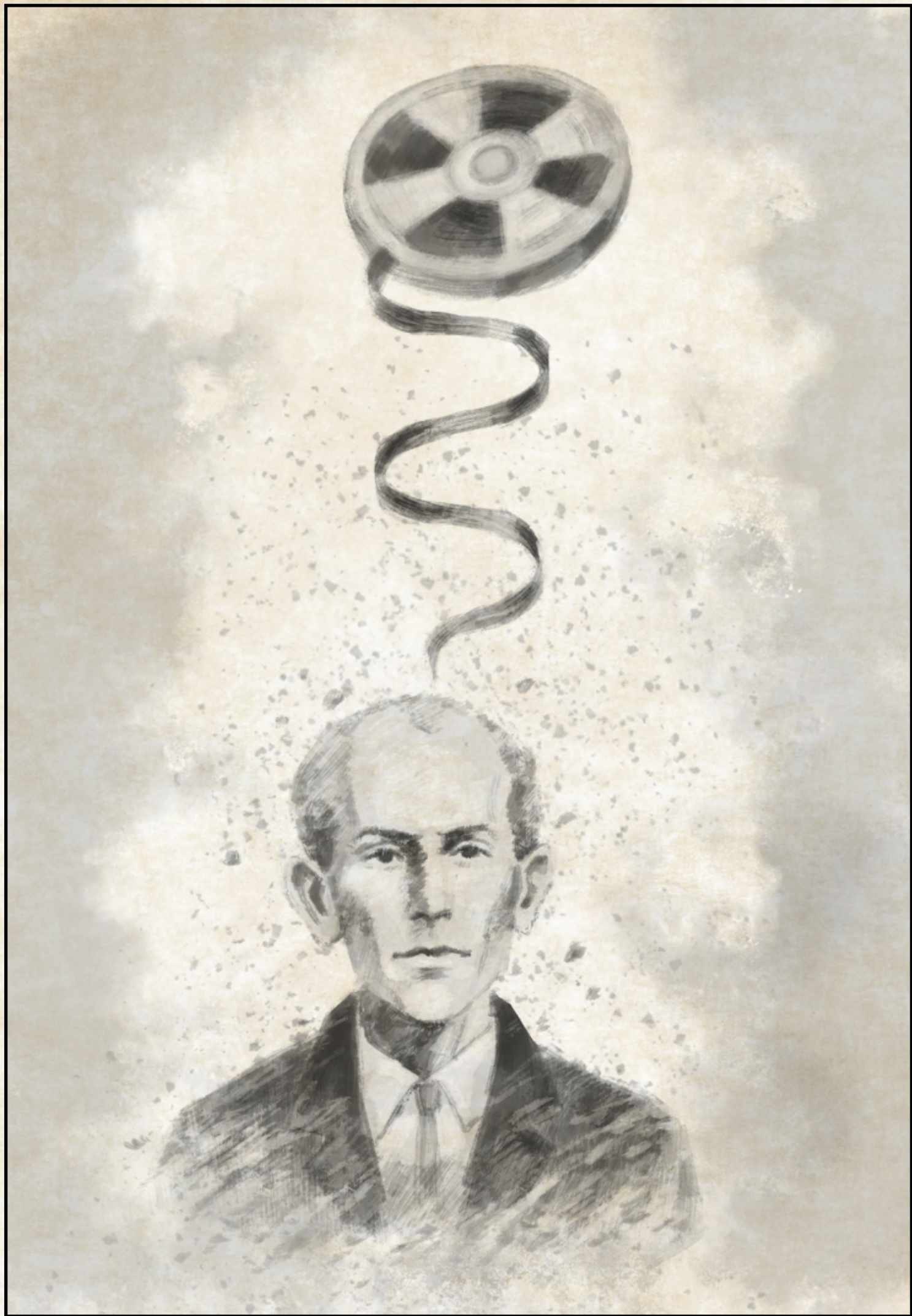
*Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма,
За смолу кругового терпенья, за совестный деготь труда.
Как вода в новгородских колодцах должна быть черна и сладима,
Чтобы в ней к Рождеству отразилась семью плавниками звезда.
И за это, отец мой, мой друг и помощник мой грубый,
Я — непризнанный брат, отщепенец в народной семье, —
Обещаю построить такие дремучие срубы,
Чтобы в них татарва опускала князей на бадье.
Лишь бы только любили меня эти мерзлые плахи —
Как прицелясь на смерть городки зашибают в саду, —
Я за это всю жизнь прохожу хоть в железной рубахе
И для казни петровской в лесах топорище найду.*

После смерти Сталина его стихи жили в самиздате.
Его «воскресли» жена и Ахматова.
В 1960-е годы он вернулся к читателю — как голос совести эпохи.

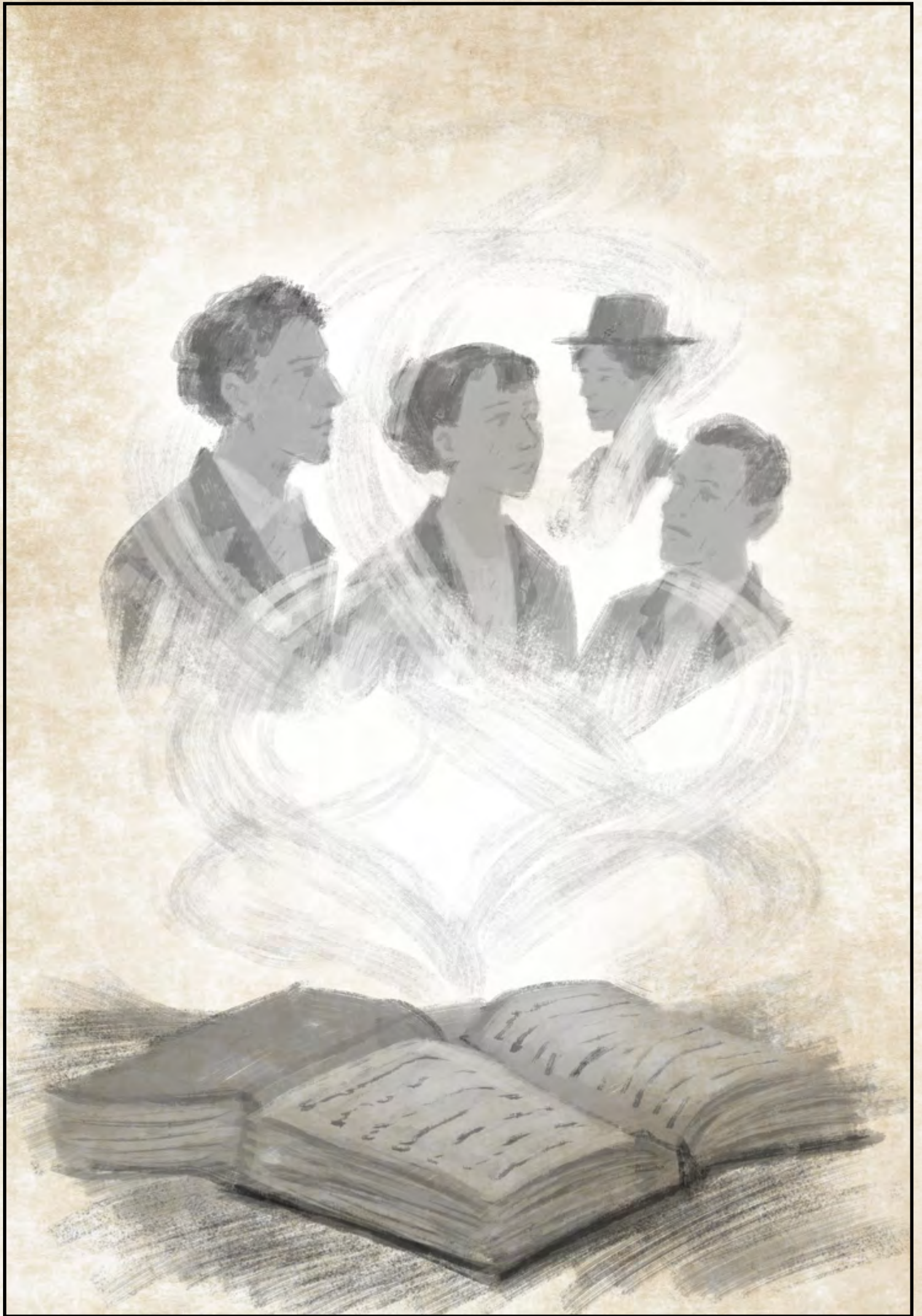

An artistic illustration in a sketchy, painterly style. In the upper left, a dark silhouette of Alexander Blok is shown in profile, looking towards the right. In the lower left, a more detailed figure of Vladimir Mayakovsky is depicted, wearing a dark jacket and shouting with his mouth wide open, pointing his right index finger towards the upper right. A set of stone steps leads up from Mayakovsky towards the right side of the image. In the background, on the right, there is a silhouette of a city with several tall, pointed towers, resembling St. Petersburg. In the lower right foreground, there are bare, gnarled tree branches with small buds. The overall background is a light, textured wash of yellow and white.

Блок:
«И вечный бой!
Покой нам только снится...»

Маяковский:
«Я — поэт, этим и интересен»

Ахматова:

«Я была тогда с моим народом...»

Мандельштам:

«И я выхожу из пространства
В запущенный сад величин»

группа
Поэт Поколений

подкасты
Поэт Поколений

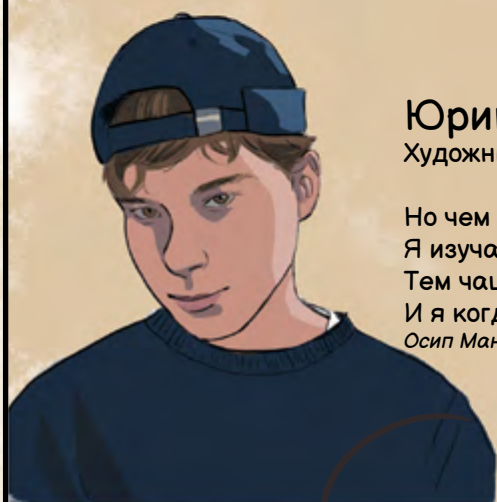
РЕДАКЦИЯ

Анна Дмитрива
Автор текста и сценария

Наталья Виноградова
Верстка и препресс

Юрий Попов
Художник

Но чем внимательней, твердяня Notre Dame,
Я изучал твои чудовищные ребра, —
Тем чаще думал я: из тяжести недоброй
И я когда-нибудь прекрасное создам...
Осип Мандельштам

Татьяна Голянова
Автор проекта

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.
Анна Ахматова

Таисия Сычева
Художница

Без фонарей, как смоль был черен невольский вал,
Глухая ночь вокруг стеной стояла...
Так вот когда тебя мой голос вызывал!
Что делала — сама еще не понимала
Анна Ахматова

Для возрастной категории 12+

ПОЭТ ПОКОЛЕНИЙ: МАНДЕЛЬШТАМ
Графический роман

Автор текста и сценария — Анна Дмитрива
Художники — Таисия Сычева и Юрий Попов
Дизайн и вёрстка — Наталья Виноградова

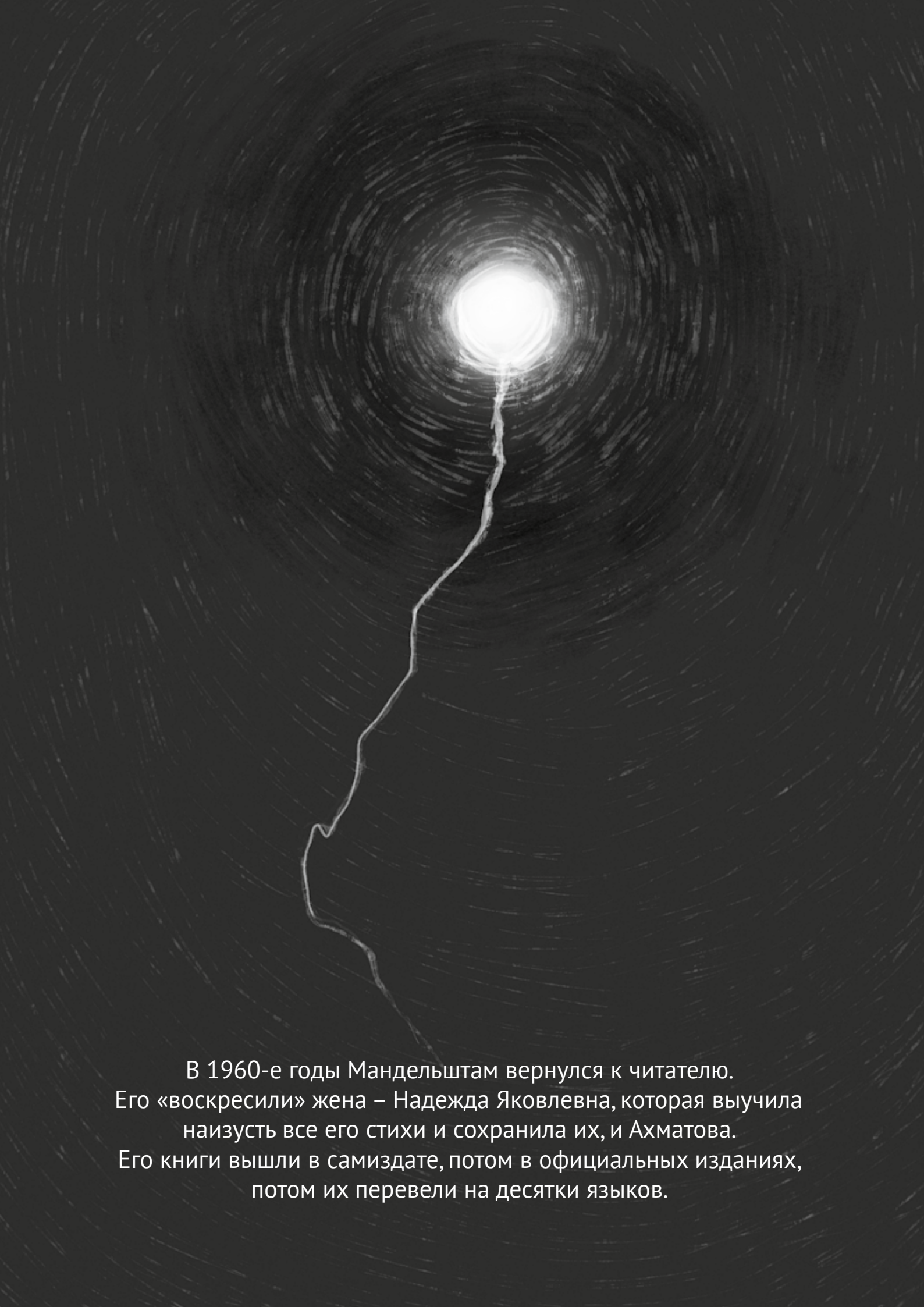
Подписано в печать «24» июля 2026 г.
Формат А4 (210 x 297 мм). Объём — 60 с.
Полноцветная офсетная печать.
Внутренний блок: печать 4+4, мелованная бумага 120 г/м².
Обложка: мелованная бумага 300 г/м², гляцевая ламинация.
Переплёт — КШС, потетрадная сшивка.
Тираж — 1 000 экз.
Заказ N 262284

ООО «Типография «Печатный двор»»
344029, г. Ростов-на-Дону, ул. Металлургическая, 102/2, оф. 316
Тел./факс: (863) 280-47-54, 280-47-56, 280-47-57
E-mail: p-dvor-t@yandex.ru

Отпечатано в ООО «Типография «Печатный двор»» в соответствии с
предоставленным заказчиком PDF-макетом.

© АНО «Центр развития СМИ», 2026

Графический роман подготовлен в рамках проекта «Поэт поколений:
Мандельштам». Проект реализуется АНО «Центр развития СМИ» при поддержке
Президентского фонда культурных инициатив.

В 1960-е годы Мандельштам вернулся к читателю.
Его «воскресли» жена – Надежда Яковлевна, которая выучила
наизусть все его стихи и сохранила их, и Ахматова.
Его книги вышли в самиздате, потом в официальных изданиях,
потом их перевели на десятки языков.